

ВЕДЬМА
для
проклятого
дознавателя

Алекс Серебров

18+

Алекс Серебров

**Ведьма для проклятого
дознавателя**

«Автор»

2026

Серебров А.

Ведьма для проклятого дознавателя / А. Серебров — «Автор»,
2026

Мёртвые называют королевского дознавателя убийцей. Ведьма телесных следов видит другое: раны не совпадают со словами. Кто-то заставляет трупы лгать по уставу. До процесса, который может узаконить двести четырнадцать казней, десять дней. Чтобы доказать подделку, Селене Рей приходится работать с самим обвиняемым — проклятым дознавателем Кайреном Вардом. Она ему не верит. Его прошлое уже однажды коснулось её семьи. Он не просит прощения. Он предлагает проверять факты. Чем ближе они к правде, тем опаснее союз. И тем труднее удержать границу между работой и чувством, которому нельзя верить заранее.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	66
Глав	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ведьма для проклятого дознавателя

Глава 1

Мертвецы никогда не цитируют судебные кодексы.

Это первое непреложное правило, которое нам вбивали на третьем курсе Королевской школы анатомии и телесного следа, прежде чем впервые подпустить к серебряным секционным столам. Настоящий Последний отзвук — не спиритический сеанс и не беседа с заблудшей душой. Это всего лишь застывший в нервных волокнах физиологический слепок последнего часа: предсмертная судорога диафрагмы, металлический привкус собственной крови на нёбе, смазанный зрительный образ — мутный, словно отражение в замерзшей луже. Мертвые отвечают сухим щелчком челюсти, сиплым хрипом, короткими, рваными словами, которые с мучительным трудом проталкивает сквозь гортань остывающий воздух.

Они говорят о боли. О холоде. О человеке, чье лицо они видели последним перед тем, как навсегда провалиться в небытие.

И они никогда, ни при каких обстоятельствах не способны произнести больше трех ответов.

Тело, лежавшее на моем столе, нарушило все законы природы, магии и судебного устава еще до того, как в узкие сводчатые окна Палаты телесных свидетельств пробился первый грязно-серый рассвет.

— Я требую, чтобы вы немедленно возобновили протокол, госпожа Рей! — скрипучий, сухой голос судебного секретаря Валлена резал морозную тишину подземелья точнее прозекторского ланцета. — Мы находимся здесь не для того, чтобы выслушивать ведьмовские сомнения и тратить драгоценное время Короны. Поставьте вашу экспертную печать под сертификатом первичного допроса. Его Высокопревосходительство первый юстициар Рош ожидает рапорт к утрунному колоколу.

Я даже не подняла глаз от ледяного каменного ложа.

Холод в главном зале Палаты стоял лютый, вымороженный до хруста. Зимой огонь в двух угловых чугунных жаровнях едва спасал от сырости, но топить сильнее запрещалось уставом: тела должны были сохранять естественную плотность тканей до завершения всех установленных законом процедур. По глубоким серебряным желобам, окаймлявшим массивную гранитную плиту, медленно струилась талая вода вперемешку с концентрированным соляным раствором. В воздухе тяжело висел привычный, въевшийся в шерстяную ткань моего форменного платья запах: мерзлый камень, железная окалина, пчелиный воск погребальных свечей и едкий, смолистый дух можжевельных побегов, которыми служба окуривал ниши для хранения, чтобы сбить тошнотворный дух тления.

На плите лежал Дарек Морн — старший нотариус Коронного казначейства. Мужчина сорока пяти лет, плотного сложения, с аккуратно подстриженной каштановой бородкой, которая сейчас смерзлась в неопрятные сосульки от растаявшего на щеках инея. Его доставили три часа назад в тяжелом свинцовом мешке с четырьмя сургучными печатями и грифом чрезвычайной государственной важности.

Рваная рана на его шее выглядела безобразно: сонная артерия была перебита широким косым ударом, ключица раздроблена, а на синюшной коже вокруг зияющего разреза виднелись темные, обугленные края, словно клинок перед ударом раскалили на магическом огне.

— Тесса, — негромко позвала я, поправляя тонкие серебряные щипцы на влажной льняной салфетке. — Зафиксируй в книге учета время и четвертый вопрос представителя канцелярии. Дословно.

Тесса Нор, сидевшая за высоким конторским столом у самого входа, шумно скрипнула металлическим пером по плотному пергаменту. Ее пальцы в обрезанных шерстяных митенках были густо перепачканы несмываемыми фиолетовыми чернилами, а в темных глазах, обращенных на Валлена, горело глухое, упрямое раздражение. Тесса вела учет тел и документов в Палате шестой год и знала цену каждой судебной закорючке лучше большинства столичных законников.

— Зафиксировано, Селена, — отчеканила она, демонстративно поправив сползшие на кончик носа круглые очки в медной оправе. — Четвертый вопрос судебного исполнителя Валлена к телу, чья биологическая смерть наступила более двенадцати часов назад. В прямое нарушение параграфа девятого статьи семнадцатой Устава посмертных дознаний.

Валлен нервно дернул воротник суконного камзола, расшитого золотыми нитями канцелярии юстиции. На его висках, несмотря на могильную стужу зала, блестели мелкие капли пота.

— Вы превышаете полномочия, эксперт Рей! — секретарь сделал резкий шаг к столу, стукнув каблуком по обледелым плитам пола. — Отзвук активен! Ткани резонируют! Если усопший готов свидетельствовать против государственного изменника, вы обязаны протоколировать каждое слово, а не прикрываться бюрократическими циркулярами! Суд требует имени убийцы!

— Отзвук не может быть активен, господин Валлен, — я заставила свой голос звучать ровно, почти отстраненно, хотя под ребрами неприятно ныло и холодело. — Три разрешенных законом ответа были исчерпаны двадцать минут назад. Первый: примерное место нападения. Второй: тип клинка. Третий: время остановки сердечного ритма. После третьего отклика сенсорная матрица мозга распадается безвозвратно. Ткани гортани мертвы. Там физически нечему вибрировать.

Я взяла с инструментального лотка тонкую серебряную иглу с гравированным желобком вдоль стержня и осторожно коснулась бледной, похожей на застывший воск кожи Морна чуть выше раны.

Мой врожденный дар — то, из-за чего королевские юстициары скрипели зубами, но были вынуждены терпеть меня в штате Палаты, — отозвался мгновенно. Не звоном, не вспышкой света, а ледяной, острой судорогой в кончиках пальцев, медленно поползшей вверх по предплечью к локтю.

Я не была некромантом, не повелевала призраками и не разговаривала с мёртвыми о загробном мире. Мое ведьмовство принадлежало телесной хронике. Я чувствовала анатомию повреждений так же ясно, как опытный музыкант слышит фальшивую ноту в оркестре: я видела микроскопические разрывы мышечных волокон, порядок нанесения ударов, глубину проникновения стали, химический след яда в печени и точный момент, когда угасающее сознание перестало фиксировать свет.

В теле нотариуса не осталось ни крупинцы естественной жизненной искры. Кровь в крупных венах застыла густым дегтем, дыхательные пути спались. Человек был мертв бесповоротно и окончательно.

И все же, когда Валлен, потеряв терпение от моей медлительности, нагнулся к самому лицу Морна и срывающимся, визгливым голосом выкрикнул:

— Именем Короны и Высшего суда, Дарек Морн, назови имя того, кто нанес тебе смертельный удар!

Мертвец на секционном столе открыл рот.

Его нижняя челюсть сдвинулась с омерзительным, влажным щелчком — сухожилия натянулись неестественно туго, словно их дернули за невидимую проволоку. Помутневшие, подернутые белесой катарактой глаза оставались абсолютно неподвижными, уставленными в темные своды потолка. Но из пересохшей, забитой запекшейся слизью глотки вырвался звук.

Это не был прерывистый предсмертный хрип. И не стон умирающего человека.

Это была пугающе гладкая, членораздельная, поставленная канцелярская речь:

— Смертельное ранение нанесено королевским дознавателем Кайреном Вардом в третьем тупике у архива Казначейства при попытке изъятия секретных реестров с применением запрещенного клятвенного клинка. Подтверждаю для протокола Высшего суда.

Голос умолк, и под высокими сводами морга повисла плотная, давящая тишина. Слышно было лишь, как с каменного выступа мерно падает вода в серебряный сток — *кап, кап, кап*.

У Тессы от неожиданности дрогнула рука, и перо соскочило с листа, оставив на пергаменте уродливую черную кляксу. Она шумно втянула воздух сквозь зубы, но промолчала, вцепившись пальцами в край деревянной конторки.

Валлен же торжествующе выпрямился, оправил складки камзола и с победным видом уставился на меня:

— Вы слышали?! Он повторил обвинение в четвертый раз! Дословно, четко, без малейших разночтений! Хватит упрямиться, Рей. Ставьте личную печать эксперта. Кайрен Вард уже задержан гвардейцами у въездных ворот Верхнего города. Через четверть часа его доставят в подвалы суда, и ваше заключение станет основанием для немедленного приговора без права пересмотра.

Я медленно стянула с рук перчатки из плотной вываренной кожи и положила их рядом со скальпелями. На моей левой ладони тускло блеснул тонкий серебристый шрам — след ошибки десятилетней давности, когда я по неопытности позволила чужой предсмертной боли разорвать мои собственные нервные сплетения.

— Я не поставлю печать под этим протоколом, — спокойно и негромко произнесла я.

Секретарь опешил. Его одутловатое лицо на мгновение застыло, а затем стремительно налилось нездоровой багровой краской.

— Что вы себе позволяете?! Вы смеете саботировать следствие чрезвычайной важности?!

— Я защищаю профессиональную чистоту телесного свидетельства, господин Валлен, — я взяла с лотка изогнутый ланцет из лунной стали с узким полированным лезвием. — Вслушайтесь в то, что только что произнес этот труп. «С применением запрещенного клятвенного клинка»? «Подтверждаю для протокола Высшего суда»? Человек, которому распороли шею и сломали два ребра в темном переулке, в последние секунды жизни думает о том, как сделать спасительный вдох. О том, как зажать фонтанирующую рану стынувшими пальцами. О семье, о детях, о всепожирающем ужасе небытия. Он не мыслит статьями судебных уложений и не формулирует обвинительные заключения для третьей палаты трибунала. Этот текст никогда не принадлежал памяти Дарека Морна.

— Вы смеете утверждать, что королевская канцелярия фабрикует показания?! — сорвался на визг чиновник.

— Я утверждаю то, что вижу собственными глазами и чувствую собственной силой, — отрезала я. — Если вы попытаетесь принудить меня сертифицировать эту фальшивку до полного вскрытия, я задействую право аварийной консервации улики. Я опечатаю тело личной рунической печатью, выставлю караул гильдии и передам закрытый протокол председателю суда Дейну. Лично в руки. Вы этого хотите?

Валлен захлебнулся собственным возмущением и открыл рот для новой угрозы, но в этот момент тяжелая дубовая дверь морга, обитая полосами кованого железа, со скрежетом подалась вперед.

В подвальный холод ворвался сырой сквозняк с площади, принесший терпкие запахи мокрого конского волоса, утреннего снега и оружейного масла.

На пороге замерли двое гвардейцев в полированных кирасах с взведенными самострелами наперевес. А между ними, легко перешагнув высокий каменный порог, в зал вошел человек, чье имя за последние шесть лет превратилось в столичных судах в символ неотвратимой и беспощадной расплаты.

Кайрен Вард.

Я знала о нем всё, что могла знать ведьма, читающая сводки громких процессов. Знала, что он был лучшим учеником и правой рукой первого юстициара Роша. Знала, что шесть лет назад он добровольно принял Клятву Отзвука — страшное древнее заклятие: если его вопрос, заданный ради признания или доказательства, причинял или усиливал боль живого отвечающего, эта боль возвращалась в его собственное тело.

Но лично я видела его впервые.

Он был высок — на добрую голову выше конвоировавших его рослых солдат, строен и сухощав той опасной, собранной худобой хищника, который привык двигаться бесшумно и наносить удары без промаха. Длинное темно-серое пальто из плотного армейского сукна с серебряными застёжками было расстегнуто на груди, открывая строгий черный камзол без единого знака отличия. Прямые смоляно-черные волосы, чуть тронутые влагой растаявшего снега, падали на высокий лоб, резко оттеняя жесткие, будто высеченные из темного гранита черты: четко очерченные скулы, прямой упрямый нос с тонкой горбинкой и плотно сжатые, лишенные мягкости губы.

Но взгляд его серых, почти ледяных глаз приковывал сильнее всего. В нем не было ни растерянности загнанного в угол зверя, ни показного высокомерия. Это был взгляд человека, который слишком хорошо знает анатомию человеческой подлости и давно не ждет от мира снисхождения.

Когда Вард сделал шаг в круг тусклого масляного света, рукав его правого запястья слегка сместился, и я отчетливо увидела плотную, черную, как древесный уголь, вязь ритуальных знаков. Клятвенная метка оплетала его руку от основания ладони и уходила глубоко под ткань рукава, к самому локтю, тускло мерцая под кожей едва уловимым, тлеющим багровым жаром.

Взгляд Варда мгновенно оценил обстановку: расположение дверей, узкие окна под потолком, Тессу, замершую с поднятым пером, бледного Валлена — и наконец остановился на мне.

На долю секунды в глубине его зрачков мелькнуло странное, напряженное движение — словно он услышал мою фамилию и пытался сопоставить ее с чем-то давно спрятанным в глубинах памяти. Тонкая складка прорезала переносицу, но черты лица остались абсолютно непроницаемыми.

— Дознаватель Вард, — фальшиво-торжественным голосом объявил Валлен, благоразумно отступая за спины гвардейцев. — Именем закона вы доставлены сюда для проведения очной ставки с телом нотариуса Дарека Морна. Экспертиза завершена. Свидетельство Последнего отзвука прямо указывает на вас как на хладнокровного убийцу слуги Короны.

Вард даже не удостоил чиновника взглядом. Он медленно подошел к секционной плите.

Гвардейцы за его спиной нервно перехватили оружие, но не посмели сделать и шага следом: в каждом движении опального дознавателя сквозила такая несокрушимая, ледяная уверенность, что любой приказ атаковать казался солдатам смертельно опасной глупостью.

Он остановился по другую сторону стола, ровно напротив меня. Нас разделяли всего два фута холодного камня и мёртвое тело. Я отчетливо уловила исходящий от его одежды тонкий аромат: морозная хвоя, терпкий горький табак и слабый, покалывающий кожу запах активированной клятвенной магии.

— Вы — ведьма телесных следов? — спросил он.

Его голос оказался низким, глубоким, с легкой сухой хрипотцой, которая странным образом заставила волоски на моих предплечьях встать дыбом. Ни тени мольбы, ни попытки надавить на жалость или сослаться на свое прежнее влияние. Сухой, точный опрос равного специалиста.

— Селена Рей. Старший лицензированный эксперт Палаты, — ответила я, выдерживая его давящий, пронизывающий взгляд. Сердце глухо и тяжело стучало в висках, но подбородок я

держала высоко. — И человек перед нами только что в четвертый раз заявил, что вы перерезали ему горло возле архива Казначейства.

Кайрен опустил глаза на растерзанную шею Морна. Его правое плечо едва заметно напряглось — старая травма отзывалась на подвальный сквозняк, но он даже не поморщился.

— Это невозможно, — произнес он глухо. — МORN был убит не в переулке у архива. И этой ночью я не покидал здания Следственной канцелярии. Однако показания Отзвука имеют высшую юридическую силу для суда. Если они заверены экспертом Палаты, никакой адвокат не спасет меня от эшафота. Вы проводили глубокое чтение гортани, госпожа Рей?

— Эксперт отказалась признавать свидетельство законным! — выкрикнул из-за спин охраны Валлен. — Она утверждает, что мертвец говорит неподобающими фразами! Это прямое препятствование королевскому правосудию!

— Закройте рот, Валлен, — не повышая тона, бросил Вард.

В его голосе было столько не знающей сомнений власти, что секретарь подавился собственным криком и испуганно замолчал. Затем Кайрен снова перевел взгляд на меня. В серых глазах застыл немой, предельно ясный вопрос:

— Вы видите аномалию в мышечной ткани?

— Я вижу грубейшее попрание законов посмертного следа, — твердо сказала я. — Но чтобы доказать это суду, мне придется провести глубокое чтение подъязычной зоны с полным раскрытием проводящего слоя. Если вы невиновны, вам нечего бояться моего серебра. Если же вы действительно приложили руку к этой ране — ваш след проявится немедленно.

— Вскрывайте, — без малейшего колебания ответил Кайрен. — Я не требую от вас веры на слово, госпожа Рей. Мне нужен материальный факт, который выдержит проверку трибунала.

Я медленно перевела дыхание, собирая ведьмовскую волю в единый узел.

Глубокое чтение — опаснейшая процедура. Погружение собственного дара в мертвую ткань всегда требовало платы. По регламенту нам категорически запрещалось делать больше двух глубоких погружений в течение полусуток: фантомная травма умирания, отпечатанная в клетках трупа, неизбежно рикошетила по телу ведьмы, грозя судорогами, онемением пальцев и потерей профессиональной чувствительности рук.

— Тесса, протокол номер одиннадцать, — приказала я, подходя вплотную к изголовью плиты. — Инструмент номер три. Вскрытие гортанных узлов. Фиксируй визуальные изменения.

Тесса молча кивнула, побелевшими пальцами выводя новую строфу в книге учета.

Я взяла с шелковой салфетки серебряную нить — тончайшую, гибкую проволоку из очищенного лунного серебра, закрепленную на короткой рукояти из моржовой кости. Ланцет в моей правой руке двигался с математической точностью: выверенный продольный разрез под нижней челюстью трупа рассек поверхностную фасцию и обнажил глубокие шейные сплетения. Свернувшаяся кровь почти не пачкала лезвие — густая, черная, она застыла хлопьями.

Я осторожно завела кончик серебряной нити в глубину раны, направляя ее вдоль хрящей к подъязычной кости — туда, где при жизни формируются моторные команды речи и где оседают последние остаточные вибрации Последнего отзвука.

— *Раскройся*, — выдохнула я на древнем диалекте ремесла, выпуская ведьмовскую силу сквозь металл.

Серебряная нить под кожей трупа мгновенно вспыхнула тусклым, ядовито-лиловым свечением, просвечивая сквозь полупрозрачную мертвую плоть.

И в то же мгновение меня настиг сокрушительный удар.

Мир морга сжался в одну раскаленную точку. Чудовищная волна чужой фантомной агонии ворвалась в мое тело, сметая защитные барьеры. Горло обожгло ощущением хлынувшей в дыхательные пути крови; грудная клетка судорожно пыталась втянуть воздух, которого не хватало. Я захлебнулась фантомным вдохом, пальцы левой руки онемели, а перед глазами взмет-

нулась кровавая пелена. Во рту разлился невыносимый металлический привкус крови, гари и чужого леденящего страха.

Я стояла, вцепившись свободной рукой в край гранитного стола, не позволяя себе разорвать контакт, пока перед моим внутренним магическим взором разворачивалась истинная картина преступления.

Там, в глубине гортани Морна, царило чудовищное святотатство.

Подязычная кость нотариуса была аккуратно надпиlena тончайшим, хирургическим инструментом. Никаких следов прижизненного кровоизлияния или воспалительного отека вокруг костного спиля не существовало в природе: вмешательство произошло *спустя несколько часов после физической гибели человека*.

А вокруг нервных узлов, вплетаясь в мёртвые волокна голосовых связок, змеилась искусственная магическая сеть. Тончайшая паутина из зачарованных серебряно-медных волокон — эхо-пришивка. Запрещенная государственная технология, позволявшая записать в мёртвое горло любую требуемую формулировку и заставить труп послушно воспроизводить ее при внешнем импульсе.

И в самом центре этой пришивки, питая искусственную голосовую матрицу, пульсировала капля чужой, связующей крови.

Магический почерк этой крови полыхнул перед моим взором с пугающей, неопровержимой ясностью.

С глухим стоном я рванула серебряную нить на себя, выдергивая ее из вскрытой раны.

Лиловое свечение мгновенно погасло.

Фантомная петля на моей шее лопнула. Я тяжело, со свистом втянула ртом морозный воздух подземелья, чувствуя, как по вискам и спине струится ледяной пот, а колени предательски подгибаются от пережитого шока. Пальцы левой руки покалывало сотнями раскаленных игл — первое глубокое чтение взяло свою неизбежную дань, забрав часть чувствительности нервных окончаний.

В зале стояла гробовая, парализующая тишина. Только мое прерывистое дыхание нарушало ее.

Валлен нервно переступил с ноги на ногу, не выдержав затянувшейся паузы:

— Ну?! Чего вы молчите, Рей?! Вы подтверждаете, что в ране зафиксирован клятвенный след Варда?!

Я с трудом выпрямилась, упираясь дрожащей ладонью в край камня, и медленно подняла голову.

Кайрен Вард не шевелился. Он стоял напротив, не отводя от меня пристального взгляда своих серых глаз. Он видел дрожь моих пальцев, мертвенную бледность щек и кровь на закусенной губе. В его взгляде не было просьбы оправдать его — только тяжелое, натянутое до предела ожидание.

— Тело лжет, господин Валлен, — мой голос прозвучал глухо и хрипло, но каждое слово падало в тишину подземелья с тяжестью могильной плиты. — Дарек Морн не называл своего убийцу перед смертью. Его голосовой аппарат был вскрыт и механически модифицирован посмертно. В его гортань вшита фальшивая эхо-матрица, заставляющая мёртвого человека бесконечно повторять заранее составленный канцелярский текст.

Лицо секретаря посерело, на лбу вздулись багровые вены:

— Вы... вы лжете! Вы пытаетесь спасти государственного преступника! Чья магия активировала этот морок?! Назовите источник подписи!

Я перевела взгляд на обнаженное запястье Кайрена Варда.

Свет масляного фонаря отчетливо высвечивал черные, пульсирующие линии Клятвы Отзвука на его коже. Идеальный геометрический узор древнего заклятия. Узор, который до

мельчайшего изгиба и магической руны совпадал с подписью, запечатанной в посмертном шве убитого нотариуса.

— Ответ был зашит в мёртвое горло искусственно, — отдельно и четко произнесла я, глядя прямо в глаза дознавателю. — Но магический ключ, на который замкнута эта фальшивка... подпись Клятвы Отзвука. Она действительно принадлежит дознавателю Кайрену Варду.

Воздух в зале морга словно обратился в лед. Конвоиры оцепенело переглянулись, Валлен застыл с полукруглым ртом.

Ни один мускул не дрогнул на лице Кайрена. Он опустил взгляд на свое зажатое запястье, затем снова посмотрел на меня.

— Значит, подпись действительно моя, — произнес Кайрен тихо. — А голос — нет.

Он поднял взгляд от собственной метки к мёртвому лицу Морна.

— Пока это всё, что мы можем утверждать. Остальное придётся доказывать.

Глава 2

В зале Палаты телесных свидетельств стояла такая плотная тишина, что было слышно, как в серебряном желобе секционного стола медленно замерзает сукровица — капля за каплей, с едва различимым стеклянным звоном.

Левая рука не оттаивала. Онемение, поднявшееся от кончиков пальцев после глубокого вскрытия подъязычной зоны Морна, застряло в лучезапястном суставе тупым, ноющим комком. Стоило мне шевельнуть кистью, как по предплечью прокатывалась волна сухого покалывания, словно под кожу насыпали толчёного речного песка. Это была привычная, отмеренная уставом цена за вторжение в мёртвые ткани. Второе глубокое чтение в пределах двенадцати часов ещё оставалось допустимым — на бумаге. На практике оно могло окончательно выключить пальцы и поставить мою работу под угрозу. Третьего мой организм уже мог не простить.

Но секретарь Валлен не интересовался анатомией.

Он стоял у тяжелой дубовой двери, вжавшись спиной в кованые полосы засова, и его круглое, одутловатое лицо медленно наливалось темной, багровой краской. Глаза чиновника лихорадочно перебегали от обнаженного мёртвого горла на гранитном столе к неподвижной фигуре Кайрена Варда.

— Подпись... — выдавил Валлен, и голос его сорвался на визгливый фальцет. — Вы сами это сказали, Рей! Вы только что вслух, при свидетелях Короны, подтвердили, что в ране запечатана метка его проклятия! Стража!

Двое конвойных гвардейцев позади Варда синхронно шевельнулись. Наконечники тяжелых алебард с сухим щелчком опустились на уровень груди дознавателя, но сами солдаты не сделали ни шага вперед. В их позах сквозила застарелая, вьевавшаяся в кости робость перед человеком, чье имя годами означало для гарнизона скорый и беспощадный трибунал.

Кайрен даже не повернул головы на крик секретаря.

Он стоял по другую сторону секционного ложа, не шевелясь. Высокий, сухощавый, в расстегнутом темно-сером пальто из армейского сукна, с прямыми черными волосами, упавшими на лоб. На его бледном лице не проступило ни страха, ни злобы — только тяжелое, расчетливое внимание следователя, привыкшего препарировать чужие промахи.

— Не двигаться, — негромко произнес Вард.

Он не повысил тона, но в низком, вибрирующем звуке его голоса было столько свинцовой тяжести, что гвардейцы инстинктивно замерли, удерживая древки мокрыми от пота перчатками.

— Вы торопитесь составить рапорт, Валлен, — Кайрен поднял правую руку, обнажая запястье.

Смоляной ритуальный узор Клятвы Отзвука темнел под его кожей, поднимаясь тонкими спиралями от основания ладони к самому локтю. Знаки не светились, но казались выпуклыми, словно под эпидермис загнали полосы застывшего древесного угля.

— Дознаватель Вард остается под арестом по обвинению в убийстве коронного чиновника! — секретарь попытался придать осанке сановную важность, но его пальцы нервно комкали золоченое шитье камзола. — Эксперт нашла ваше клеймо. Следствие окончено. Я требую немедленно наложить на него колодки и доставить в камеры предварительного заключения при Высшем суде!

— Сядьте на место, господин секретарь, — я заставила свой голос звучать сухо, почти механически, методично вытирая пальцы чистой льняной салфеткой. — И замолчите. Пока протокол первичного осмотра не заверен моей печатью, в этом помещении командует устав судебной медицины, а не ваша канцелярия.

Валлен задохнулся от возмущения:

— Вы пособничаете государственному изменнику, Рей!

— Я фиксирую материальные факты.

Я аккуратно положила салфетку на инструментальный лоток и повернулась к конторке, где за высокой деревянной стойкой застыла Тесса. Ее пальцы в шерстяных митенках судорожно сжимали гусиное перо, круглое лицо осунулось, но в темных глазах за стеклами очков горело профессиональное упрямство.

— Тесса. Страница сопоставительных процедур открыта?

— Открыта, Селена, — четко отозвалась она, промокая кляксу на полях сухого пергамента. — Номер дела: тридцать три, дробь казначейская. Тело нотариуса Дарека Морна. Время фиксации аномалии — шестой час по полуночи.

— Занеси в журнал предварительный вывод, — продиктовала я, не глядя на шипящего от злости Валлена. — Первое: ткани гортани несут следы посмертного хирургического вмешательства с внедрением инородного металлического проводника. Второе: речевой отклик тела не является естественным Последним отзвуком и воспроизводит заученную формулировку. Третье: магический контур замкнут на индивидуальную подпись Клятвы Отзвука.

Кайрен опустил глаза на мёртвое лицо Морна.

— Наличие подписи само по себе не объясняет механику ее появления, — произнес он. — Клятва — это не штамп на канцеляристской бумаге. Ее нельзя срезать ножом и перенести на чужую плоть.

— Вот это мы сейчас и проверим, — я подошла к инструментальному шкафу и правой рукой достала с полки узкий плоский футляр из темного сланца. — Ваше присутствие здесь, дознаватель Вард, пока подтверждается только этой раной. Вы утверждаете, что не прикасались к Морну. Но я не верю словам. Моя задача — выяснить, реагирует ли эта искусственная петля в горле на источник своей подписи, или мы имеем дело с чем-то другим.

Кайрен чуть приподнял бровь:

— Вы хотите провести сопряжение?

— Я хочу провести контролируемый тест проводимости. И правила в этом зале устанавливаю я.

Я положила футляр на свободный край гранитного стола, прямо возле окоченевшего плеча покойного нотариуса, и откинула крышку. На тонком слое серой шерсти лежали две тончайшие серебряные иглы, соединенные витым волосяным проводником, и пластинка полированного речного сланца — идеального нейтрализатора, гасящего паразитные колебания.

— Слушайте меня внимательно, Вард, — я выпрямилась, глядя ему прямо в глаза. В серых зрачках дознавателя отражались два тусклых огонька стенных масляных ламп. — Первое правило: никакого глубокого чтения. Одно глубокое чтение уже сделано. Второе я не стану тратить на этот тест: ограничусь исключительно поверхностным контактом с наружным контуром пришивки.

Кайрен молча кивнул, принимая условие.

— Второе правило: процедура будет немедленно прервана по первому моему слову, если возникнет угроза разрушения тканей тела или нестабильность отклика. Третье: вы зададите ровно один вопрос. Контрольный. Никаких допросных серий, никаких юридических ловушек. Один короткий вопрос, требующий фактического ответа.

— Согласен, — его голос оставался ровным, без малейшей тени раздражения.

— И четвертое. Главное.

Я повысила голос, чтобы меня слышали и гвардейцы, и сжавшийся в углу секретарь:

— Правило телесного согласия. Вы находитесь под следствием, но ваше тело принадлежит вам, а не Короне. Я не коснусь вашей метки без вашего прямого, высказанного вслух разрешения. И вы не посмеете коснуться инструментов или тела без моей команды.

На губах Кайрена на долю секунды мелькнула жесткая, почти горькая складка. Он не отвёл взгляда.

— Вы имеете мое полное согласие на контакт в рамках установленной процедуры, гос-пожа Рей, — произнес он отчетливо, с расстановкой. — Приступайте.

— Тесса, протокол номер два, — бросила я через плечо. — Фиксируй время начала.

— Зафиксировано, — скрипнуло перо.

Я глубоко вдохнула ледяной воздух подземелья, изгоняя из пальцев остаточную дрожь.

Левая рука по-прежнему оставалась наполовину чужой, поэтому всю точную механиче-скую работу пришлось взять на себя правой. Я взяла первую серебряную иглу и осторожно, едва касаясь посиневшей кожи, подвела ее кончик к правому углу разреза на шее Морна — туда, где из рассеченной фасции выступал крошечный завиток металлической нити.

Ткань трупа была холодной, плотной, как мокрая кожа дубленого сапога.

Вторую иглу, закрепленную на сланцевой пластине, я повернула острием к Кайрену:

— Положите предплечье на край плиты. Не ближе трех дюймов к срезу. Закатайте рукав.

Вард молча расстегнул серебряную запонку на манжете и сдвинул плотную черную ткань камзола до середины предплечья.

Кожа на его руке была светлой, обветренной, покрытой мелкими белесыми черточками старых шрамов, полученных явно не в уютных кабинетах судебной канцелярии. Но поверх этих отметин властвовал узор Клятвы. Черные ритуальные знаки казались живыми, застывшими в напряженном ожидании. От его руки исходило сухое, тяжелое тепло — так пахнет нагретый на солнце базальт перед грозой.

— Я соединяю контур, — предупредила я, глядя ему в лицо. — Подтвердите согласие.

— Подтверждаю, — твердо отозвался Кайрен.

Я опустила сланцевую пластину с контактом прямо на основание черной вязи у его запя-стья.

Камень слабо шелкнул.

В ту же секунду мир внутри меня отозвался знакомым, ледяным покалыванием.

Никакого мистического единения между нами не произошло. В магии телесных следов не существовало книжных восторгов или слияния душ: магия Эйвара была жесткой, матери-альной и требовала строгого соблюдения законов сопротивления материалов. Я почувствовала лишь физический холод серебра под своими пальцами и слабое поверхностное гудение, побе-жавшее по проводнику от мертвой плоти к живой.

Моя собственная травма в левой кисти ныла сама по себе — глухо, тупо, напоминая о цене утреннего погружения. Проклятие Кайрена тлело в его собственных сухожилиях. Боль не перетекала по серебряной нити: мы были изолированы друг от друга сланцевой преградой, оставаясь двумя сторонними наблюдателями у края чужой могилы.

— Цепь замкнута, — произнесла я, удерживая иглу у раны Морна. — Поверхностное чтение активно. Дознаватель Вард, ваш контрольный вопрос. Ровно один.

Кайрен опустил взгляд на мёртвое лицо нотариуса.

Черты его лица мгновенно ожесточились, превратившись в ту самую непроницаемую маску, перед которой в камерах дознания ломались матерые заговорщики. Он не стал задавать патетических вопросов о виновности и не стал требовать признания в собственном оправда-нии. Дознаватель выбрал факт — конкретный, нейтральный, не имеющий отношения к тексту утреннего обвинения:

— Дарек Морн, — голос Кайрена прозвучал низко, ровно, наполнив тишину зала давя-щей акустической силой. — Какого цвета сукно лежало на твоём конторском столе перед уxo-дом из казначейства?

Вопрос повис в морозном воздухе.

И в ту же долю секунды система дала сбой.

На запястье Кайрена черные полосы Клятвы Отзвука внезапно вздулись, словно под кожу плеснули горячего дегтя, и вспыхнули тусклым, едва заметным багровым свечением.

Вард судорожно втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

Его челюсти сжались с такой силой, что на скулах заходили желваки, а по виску, несмотря на подвальный холод, покатилась крупная капля пота. Пальцы его правой руки судорожно впились в край гранитной плиты, костяшки побелели. Его тело сотряс короткий, мучительный спазм — проклятие среагировало на контакт с пришивкой аномальной, острой болью, словно его нервы полоснули раскаленной проволокой.

Он не закричал, но я видела, как побелели его губы: боль была настоящей, физической, раздражающей плоть изнутри. Но это была *его* боль, запертая в пределах его тела.

Ко мне через серебряный проводник пришло совершенно иное ощущение.

Я зафиксировала лишь сухой, вибрирующий толчок поверхностного резонанса — мертвая ткань под моей иглой откликнулась на звук его голоса точно так же, как струна арфы откликается на удар нужного молоточка. В ране Морна не было боли. В ней не было сознания. Там был лишь механический отклик металла на поданную команду.

Нижняя челюсть покойного нотариуса дернулась вниз.

Раздался влажный, омерзительный щелчок натянувшихся сухожилий. Серые, подернутые бельмами глаза трупа остались абсолютно неподвижными, уставленными в темные своды потолка, но из рассеченной гортани вырвался звук.

Гладкий. Ровный. Чудовищно монотонный:

— Смертельное ранение нанесено королевским дознавателем Кайреном Вардом во дворе архива Казначейства с применением запрещенного клятвенного клинка. Подтверждаю для протокола Высшего суда.

Тот же самый текст.

Слово в слово. Звук в звук. С той же неестественной, поставленной канцелярской интонацией, без малейшей попытки ответить на вопрос о цвете сукна.

— Разомкнуть цепь! — крикнула я и резко сдернула сланцевую пластину с руки Варда.

Серебряная нить соскочила.

Лиловый отблеск в ране мгновенно угас. Мертвец замолк на полуслове, его челюсть осталась приоткрытой, а голова бессильно завалилась набок, стукнувшись затылком о гранитный бортик стола.

Кайрен тяжело, хрипло выдохнул, опершись обеими руками о плиту. Его лоб блестел от испарины, пальцы правой руки мелко подрагивали, но взгляд оставался острым и ясным. Он выдержал приступ на ногах, не позволив себе даже опереться о плечо стоявшего рядом конвойного.

— Вы... вы слышали?! — взвизгнул Валлен, потрясая кулаками. — Он повторил это снова! В присутствии подозреваемого! Чего вам еще надо, Рей?!

— Мне нужны работающие мозги в вашей голове, Валлен, — отрезала я, бросая инструменты на салфетку. Руки слегка дрожали от напряжения, но голос звучал твердо. — Тесса, зафиксируй результат сопоставительного теста. Дословно.

Тесса быстро застрочила по пергаменту:

— Вопрос дознавателя Варда касался цвета конторского сукна. Полученный речевой отклик полностью проигнорировал содержание вопроса и воспроизвел формулу первичного обвинения.

Я повернулась к чиновнику, заставляя его встретить мой взгляд:

— Вы понимаете, что это значит, Валлен? Если бы перед нами был подлинный Последний отзвук, тело либо назвало бы цвет сукна, если этот образ сохранился в сенсорной памяти последнего часа жизни, либо промолчало бы, если Морт не помнил этой детали. Мертвые не умеют увильнуть от ответа. Они не способны хитрить.

Я сделала шаг к столу и указала пальцем на раскрытую рану нотариуса:

— Но это тело не отвечает на содержание вопроса. Внедрённая конструкция реагирует на сам вопрос Варда и его клятвенную подпись, а затем запускает заранее заложенную формулу. Как именно это устроено, мы пока не знаем.

Валлен нервно сглотнул, бросив затравленный взгляд на Кайрена:

— Это... это ваши ведьмовские домыслы! Даже если это ключ — это его ключ! Его личная метка! Кто, кроме самого Варда, мог запереть рану его собственной Клятвой?!

— Этого мы пока не знаем, — я посмотрела на Кайрена.

Дознаватель расправил манжету, закрывая обожженное приступом запястье. На его лице не было облегчения. Для Высшего суда этот эксперимент пока доказывал лишь то, что его магическая подпись присутствует на месте преступления. Как она туда попала — оставалось темной, неразрешенной бездной.

— Вы почувствовали отдачу проклятия, Вард? — спросила я, понизив тон.

— Почувствовал, — сухо ответил он. — Моя Клятва не должна была так реагировать на мёртвое тело. Но в момент вопроса возник болезненный отклик. Причину я не знаю.

— Не объясняйте того, чего не можете доказать, — оборвала я его, возвращая разговор в границы судебной строгости. — Ваша боль — это наблюдаемый факт, но не юридическое алиби. Вы всё ещё остаетесь главным обвиняемым. Пока мы доказали лишь одно: пришивка носит искусственный характер и реагирует на вашу метку по заложенному в неё механизму. Но вы могли изготовить этот алгоритм сами, чтобы запутать следствие.

Кайрен чуть сузил глаза, выдерживая мой укол без тени обиды:

— Справедливое замечание, госпожа Рей. Один случай всегда можно списать на уловку изощренного убийцы.

— Именно. Один случай — это подозрение. Но если эта конструкция серийная...

Я резко развернулась к конторке:

— Тесса. Кого доставили во вторую стенную нишу вчера в сумерках?

Тессе не понадобилось объяснять дальше. Ее пальцы заструились по страницам гроссбуха, переворачивая плотные листы:

— Корнелий Вейн. Младший секретарь архива Высшего суда. Тридцать два года. Доставлен из собственного дома на улице Гончаров с направлением на стандартную процедуру консервации.

Валлен мгновенно вскинулся, в его голосе снова зазвенели истерические нотки:

— Рей, не смейте трогать Вейна! Он не имеет никакого отношения к делу казначейства! Он умер в собственной постели от внезапного удара, лекарь квартала зафиксировал остановку сердца! На него нет предписания трибунала!

— На его коробе стоит временная пломба Палаты, господин секретарь, — я подошла к четвертой нижней нише в дальней стене зала. — До тех пор пока я не подписала свидетельство о погребении, любое тело в этом подвале находится под моей исключительной юрисдикцией. И если вы попытаетесь прикоснуться к замку без постановления суда, гвардейцам придется выбирать, кого из нас арестовывать первым.

Валлен открыл рот, но Кайрен сделал едва заметный шаг в его сторону — и секретарь благоразумно захлопнул челюсти, вжимаясь в дверной косяк.

— Открывай, Тесса, — приказала я.

Моя помощница дернула тяжелый железный рычаг у стены.

С глухим, ржавым скрежетом металлическая заслонка четвертой ниши поползла вверх по пазам. Из темного каменного нутра пахнуло морозным солевым духом и застоявшимся холодом. Служка ухватился за кожаные ремни и с натужным скрипом выкатил на середину зала цинковый короб на деревянных полозьях.

Мы с Кайреном подошли к коробу одновременно.

Внутри лежал молодой мужчина. Худощавое, бледное лицо с тонкими чертами, русые волосы, смерзшиеся на лбу, заострившийся нос. На нем была простая ночная полотняная сорочка без воротника, чистая, без единого пятна крови или следов борьбы. Руки аккуратно сложены на груди. Классическая картина внезапной сердечной смерти во сне, не вызывающая подозрений у дежурных надзирателей.

Я натянула свежие перчатки из телячьей кожи.

Левая кисть по-прежнему слушалась скверно, поэтому голову покойного архивиста я приподняла правой рукой, осторожно запрокидывая подбородок к свету подвесного фонаря.

Кожа на шее Вейна казалась гладкой, нетронутой. Никаких рваных ран, никаких колотых повреждений сонной артерии, как у нотариуса Морна.

Но когда я пальцем слегка натянула естественную складку под нижней челюстью, прямо над подъязычной костью, я увидела это.

Тончайший белесый след. Длиной не больше двух дюймов. Края разреза были сведены с идеальной, почти ювелирной аккуратностью и запечатаны тонкой пленкой прозрачного анатомического клея, который обычно используют мастера для сокрытия учебных швов.

— Скальпель, — тихо сказала я.

Тесса молча подала инструмент с костяной ручкой.

Я кончиком лезвия подцепила край прозрачной пленки. Клей отошел с легким, сухим шорохом. Края разреза разошлись в стороны. Внутри не было крови — сосуды были пусты, вмешательство производилось задолго после того, как сердце архивиста сделало последний удар.

И там, в глубине межмышечной фасции, обвивая хрящи гортани, тускло блеснула тончайшая серебряно-медная нить.

Такая же. Внедренная тем же инструментом, по той же анатомической схеме, с тем же направлением витков.

В зале морга стало так тихо, что слышно было, как на улице, далеко за толстыми стенами фундамента, глухо завывает ночная метель.

Гвардейцы конвоя невольно подались вперед, их лица вытянулись. Даже Валлен, замерев с полуоткрытым ртом, перестал дышать, глядя на раскрытую шею переписчика.

— Он не был знаком с Морном, — негромко произнес Кайрен, глядя на рану сверху вниз. В его глазах стояла тяжелая, непроглядная тьма. — Вейн шесть лет переписывал старые следственные описи в архиве трибунала. Он не выходил из бумажных подвалов неделями.

— Проверим контур, — я взяла серебряную иглу.

Я не стала просить согласия Кайрена и не стала замыкать цепь на его живую руку. Мне не нужен был повторный болезненный отклик проклятия. Чтобы проверить наличие матрицы, достаточно было ничтожного статического импульса — обычной искры поверхностного ведьмовского тепла, поданной прямо на срез металлического проводника.

Я коснулась серебряной нити в горле мёртвого переписчика.

Искра соскочила с острия иглы крошечной синей точкой.

Тело Вейна не шевельнулось. Его закрытые глаза не дрогнули, руки остались лежать на груди.

Но из неподвижного, пересохшего рта, с тем же сухим, шелкающим звуком расправившихся связок, вырвался знакомый голос.

Тот же гладкий, монотонный тон. Те же чиновничьи интонации. Те же самые, чудовищные в своей абсурдности слова:

— Смертельное ранение нанесено королевским дознавателем Кайреном Вардом во дворе архива Казначейства с применением запрещенного клятвенного клинка. Подтверждаю для протокола Высшего суда.

Звук растаял под сводами, оставив после себя ощущение липкого, холодного кошмара.

Человек, умерший в собственной постели от остановки сердца, не имевший на теле ни единой царапины, заявлял мёртвому залу, что ему перерезали горло клятвенным клинком в темном переулке возле Казначейства.

Тесса опустила перо на стол. Ее пальцы дрожали:

— Это... это конвейер. Они шьют один и тот же текст в разные тела.

Я стянула перчатку с правой руки и выпрямилась, чувствуя, как холодная, безжалостная ясность вытесняет остатки сомнений:

— Зафиксируй в книге учета, Тесса. Второе тело. Корнелий Вейн. Обнаружена идентичная искусственная конструкция в подъязычной зоне с внедрением металлического проводника. При активации воспроизводит ту же формулу обвинения, несмотря на отсутствие прижизненных травм шеи.

Я повернулась к Валлену. Секретарь больше не кричал. Он смотрел на два раскрытых гроба с выражением загнанного, парализованного ужаса — теперь даже до его мелкого чиновничьего ума дошло, что он оказался свидетелем машины, которая при малейшем сбое сотрет в порошок его самого.

— Вы всё еще хотите немедленно отвезти Варда на эшафот, Валлен? — негромко спросила я. — Или рискнете объяснить председателю Дейну, почему труп тихого архивного переписчика утверждает, что дознаватель зарезал его клинком возле казначейских складов?

Чиновник сглотнул вязкую слюну, судорожно вжав голову в плечи, и промолчал.

Кайрен стоял между двумя секционными столами. Высокий, темный, неподвижный. На его запястье всё еще тлела черная полоса проклятия, но теперь между нами не было прежней глухой стены.

Он всё еще оставался центральным подозреваемым. Ни одно слово этого мёртвого признания не доказывало, что он невиновен — мы по-прежнему не знали, чья рука держала нож, каким образом подпись его Клятвы оказалась внедрена в эти тела и не стоял ли за этой чудовищной схемой его собственный, скрытый расчет.

Но мы установили первое незыблемое правило нашей совместной работы: факты не подчиняются приказам канцелярии.

— Два тела, госпожа Рей, — произнес Кайрен, глядя мне прямо в глаза. — И оба говорят чужим голосом.

— Два тела, — подтвердила я, пряча поврежденную левую руку в карман форменного плаща. — И утро уже наступило. Скоро откроются двери Высшего суда, Вард. И нам придётся объяснить Высшему суду, что именно мы здесь обнаружили.

Глава 3

В полдень над Коронной площадью ударили тяжелые колокола Высшего суда.

Их было семь — по числу старейших судебных палат королевства. Низкий, вибрирующий гул сотен пудов колокольной бронзы тяжело пробивал морозный воздух, прокатывался по каменным мостовым, отдавался в зубах и костях, заставляя затихать уличных торговцев, разносчиков дров и конных патрульных у въездных ворот. В столице издавна говорили: когда звонят семь колоколов, закон не знает снисхождения, а палач правит лезвие.

Для меня этот колокольный звон звучал как начало обратного отсчета.

Пальцы моей левой руки в шерстяной митенке оставались деревянными, непослушными. Онемение после первого глубокого чтения опустилось до запястья тупой, ноющей болью. Второе глубокое чтение в пределах двенадцати часов ещё допускалось, но после него безопасного запаса не оставалось: третье уже грозило необратимым повреждением нервов. Прежде чем покинуть промерзший подвал, я заставила Тессу перепроверить каждую пломбу. Мы заперли Морна и Вейна в отдельных цинковых коробах, залили стыки створчатых крышек бальзамировочным воском и навесили личные рунические печати. Тесса осталась в морге — бледная, взвинченная, со сжатым в пальцах стальным стилетом для разрезания бумаг, пообещав, что не подпустит к телам ни одного чиновника канцелярии без письменного распоряжения трибунала.

Я несла с собой два кожаных тубуса. В одном лежали заверенные выписки из регистрационного журнала и схемы посмертных повреждений, во втором — срезы тканей с медными нитями эхо-пришивки, залитые прозрачной смолой на стеклянных пластинах.

Мы поднимались по широкой гранитной лестнице Судебного дворца.

Впереди торопливо семенил секретарь Валлен, поминутно оглядываясь через плечо, комкая влажными пальцами бархатные полы камзола и бросая на нас затравленные взгляды. Позади, чеканя шаг подкованными сапогами по обледенелому камню, шли четверо гвардейцев в полированных кирасах.

А в центре конвоя шагал Кайрен Вард.

Его не заковали в колодки, но на его запястьях сомкнулись тяжелые медные наручники с рунами глушения — уставная мера предосторожности против боевых чародеев, абсолютно бесполезная против его собственного проклятия. Металл звенел при каждом движении, но Кайрен шел так, словно не замечал ни конвоя, ни десятков любопытных взглядов судебных клерков, жавшихся к стенам. Высокий, сухощавый, в расстегнутом темно-сером пальто, он нес свою вину и свое проклятие с той пугающей, несломленной грацией, которая заставляла случайных прохожих уступать дорогу. Ветер с реки бросал ему в лицо колющий снег, но лицо оставалось собранным и непроницаемым.

Мы миновали тройной досмотровый караул, где стража дважды перепроверила мои экспертные печати, и поднялись на третий ярус дворца, в Малую коллегию трибунала.

Здесь колокольный гул наконец стих, разбившись о трехфутовые стены из белого тесаного известняка.

Зал Малой коллегии дышал вековым величием и холодом, перед которым отступали любые человеческие страсти. Высокие стрельчатые окна с мелкой свинцовой расстекловкой выходили на площадь. Под массивными стропилами из мореного дуба висели тусклые хрустальные люстры с незажженными свечами, а вдоль стен высились шкафы с тысячами томов судебных прецедентов. В центре комнаты стоял длинный судейский стол, застеленный темно-синим вытертым сукном, за которым вершились дела, не предназначавшиеся для ушей толпы.

За столом нас ждали двое.

Слева сидел председатель Высшего суда Астер Дейн. Мужчина сорока восьми лет, подтянутый, с коротко стриженными пепельно-седыми волосами и резким, хищным профилем.

Его выцветшие серые глаза смотрели сквозь тонкие круглые очки с тем холодным, препарирующим спокойствием, которое появляется у людей, видевших слишком много человеческой грязи. На его плечах покоилась тяжелая судейская мантия с серебряными весами на фибуле. Дейн не был сторонником реформ и не испытывал сочувствия к обвиняемым, но в судебном сословии его уважали за патологическую преданность букве устава: председатель скорее дал бы отсечь себе руку, чем подписал приговор с нарушенной доказательной цепью.

А справа от него стоял человек, чья тень уже много лет накрывала все допросные подвалы королевства.

Первый юстициар Эрван Рош.

Ему было пятьдесят четыре года, но выглядел он обманчиво крепким и полным скрытых сил. Высокий, широкоплечий, в темно-бордовом камзоле с собольей оторочкой и массивной золотой цепью королевского советника. Его породистое, гладко выбритое лицо хранило выражение мягкой, почти отеческой благожелательности, но под тяжелыми веками горели темные, внимательные глаза безжалостного государственного деятеля.

Рош был учителем Кайрена. Человеком, который выпестовал его, дал ему власть в Палате дознания и когда-то благословил принятие Клятвы Отзвука как высшего инструмента служения Короне.

— Какое прискорбное зрелище, — бархатный, глубокий голос Роша нарушил тишину, мягко раскатившись под сводами зала. Он не повышал тона, но в звуке его голоса звенела неоспоримая власть. — Дознаватель Вард в оковах, приведенный на допрос собственной службой. И госпожа Рей, о чьей профессиональной несговорчивости мне докладывали еще во времена ее выпуска из школы телесного следа. Валлен прислал паническую записку, похожую на бред рыночного гадалея. Трупы, декламирующие уложения трибунала, ведьмовские подозрения, саботаж законной процедуры... Я надеялся, Астер, мы собрались здесь не для того, чтобы разбирать суеверия.

— Мы собрались здесь, чтобы заслушать официальный отчет лицензированного эксперта, Эрван, — сухо ответил председатель Дейн, даже не подняв взгляда от бумаг. Его скрипучий голос резал слух. — Процедура освидетельствования тела нотариуса Морна была прервана. Секретарь Валлен настаивает на попытке скрыть прямое обвинение против подозреваемого. Эксперт Рей утверждает, что свидетельство неприемлемо. Я желаю услышать факты.

Я шагнула вперед, остановившись перед дубовым барьером. Поклонилась ровно настолько, насколько требовал церемониал Высшего суда — без заискивания и робости.

Кайрен встал в двух шагах правее. Медные наручники тяжело звякнули о дерево, когда он опустил руки. Он не смотрел на Роша, и Рош тоже не встречался с ним взглядом. Между ними оставалось натянутое молчание старой вражды.

— Излагайте, госпожа Рей, — распорядился Дейн, придвигая к себе чернильницу.

— Три часа назад в Палату телесных свидетельств было доставлено тело Дарека Морна с предписанием о немедленном снятии Последнего отзвука, — начала я так, как меня учили на экзаменах гильдии. — На допросе присутствовал секретарь Валлен. Первые три вопроса исчерпали естественную сенсорную память тканей. Однако на четвертый вопрос секретаря тело воспроизвело гладкую, юридически законченную формулировку обвинения против дознавателя Варда.

— Что прямо доказывает его вину! — нервно выкрикнул Валлен из-за спин конвоя.

— Это доказывает лишь то, что вы не знаете анатомии, Валлен, — я расстегнула первый тубус и выложила на синее сукно пергаментные листы. — Человеческий мозг после остановки сердца не способен синтезировать сложные логические конструкции. Мертвый свидетель не может сослаться на «архив Казначейства» и назвать оружие «запрещенным клятвенным клинком», если он не держал этот клинок в руках при жизни. Но главное не в словах. Главное — в ране.

Я достала из второго футляра стеклянные пластины и положила их прямо перед судьей Дейном:

— Я провела глубокое вскрытие подъязычной зоны Морна. Подкожные ткани шеи несут следы вторичного хирургического вмешательства, совершенного спустя три-четыре часа после смерти. Подъязычная кость надпилена. В нервные сплетения гортани вплетена посторонняя магическая сеть — эхо-пришивка. Это искусственный проводящий контур, воспроизводящий механическую голосовую запись при подаче внешнего резонанса.

Судья Дейн поправил очки, взял одну из пластин и поднес ее к глазам, рассматривая тончайший срез под светом масляной лампы.

— Следов воспалительной реакции по краям надпила нет, — бесстрастно констатировал председатель. — Кровь в сосудах вокруг металлической нити свернулась без образования прижизненных тромбов. Вмешательство действительно произошло посмертно.

— Это ничего не меняет по существу дела, Астер, — мягко перебил его Рош. Он оперся руками о край стола, наклоняясь вперед, и на его лице проступило выражение сдержанной скорби. — Напротив, это лишь подчеркивает чудовищную изощренность преступника. Кто имел доступ к телу Морна до его доставки в морг? Кто обладал достаточными познаниями в запрещенных техниках дознания, чтобы создать подобную мистификацию? Только один человек. Кайрен Вард.

Рош наконец повернул голову и посмотрел прямо в лицо своему бывшему ученику:

— Эксперт подтвердила: в ране найдена подпись Клятвы Отзвука. Магия Клятвы уникальна. Ее нельзя выучить по книгам и нельзя сплести из воздуха — она намертво привязана к живому носителю. Вард убил нотариуса, чтобы скрыть свои тайные контакты с мятежниками, а затем сам модифицировал тело, рассчитывая устроить скандал в суде, объявить улики сфабрикованными и выставить себя невинной жертвой. Это классическая тактика двойного прикрытия, которой я сам когда-то учил его в этих стенах.

Кайрен не опустил взгляда. На его скулах не дрогнул ни один мускул:

— Если бы я хотел скрыть свои следы, Эрван, я бы не стал оставлять в горле Морна собственную клятвенную подпись. Вы прекрасно знаете: я не пользуюсь клинками. И вы знаете, что Клятва возвращает мне боль, которую мои вопросы причиняют или усиливают в живом отвечающем.

— Твое проклятие — твой личный выбор, Кайрен, — холодно отозвался первый юстициар. — И оно не делает тебя святым. Ты пошел против Короны.

— Вы забываете о втором теле, Ваша Светлость, — вмешалась я, намеренно повышая голос и заставляя обоих мужчин замолчать.

В зале снова повисла тяжелая тишина. Рош медленно прищурился:

— О каком втором теле?

— Корнелий Вейн. Младший переписчик архива Высшего суда. Он скончался вчера вечером в собственном доме от внезапной остановки сердца. Тело хранилось в четвертой нише Палаты телесных свидетельств под моей экспертной пломбой. Час назад мы вскрыли его шейный отдел.

Я пододвинула Дейну вторую стеклянную пластину:

— Подъязычная область Вейна несет точно такой же надпил. В его гортань вшита точно такая же эхо-пришивка. И при подаче минимального импульса на серебряную нить его мёртвое горло слово в слово повторяет ту же фразу: «Смертельное ранение нанесено дознавателем Кайреном Вардом с применением запрещенного клятвенного клинка».

Председатель Дейн положил пластину на стол. Его брови сошлись на переносице:

— Переписчик Вейн умер от сердечного приступа. На нем не было колотых ран.

— Именно, господин председатель. Труп человека, умершего в постели без единой капли пролитой крови, заявляет под протокол, что ему перерезали горло клятвенным клинком у

архива Казначейства. Это не следствие паники дознавателя Варда. Это серийная заготовка. Кто-то методично создает ложных мёртвых свидетелей, используя единый текст и замыкая фальшивку на украденную подпись Клятвы.

Валлен у дверей судорожно всхлипнул.

Рош не шелохнулся, но я заметила, как его пальцы с идеальными ногтями на мгновение сжались в кулаки, сминая соболиный мех опушки. Этой короткой реакции хватило, чтобы я отметила: известие о втором теле изменило ход разговора.

— Допустим, — негромко произнес Рош, и его голос снова обрел бархатную мягкость. — Допустим, некто действительно пытается дискредитировать дознавателя Варда или внести хаос в судебную систему столицы. Но даже в этом случае подпись Клятвы остается в ранах. Она не могла взяться из ниоткуда. Пока источник утечки не доказан, Кайрен Вард остается главным подозреваемым. И у нас нет права на сантименты, Астер.

Первый юстициар шагнул вплотную к судейскому столу, нависая над Дейном:

— До открытия генерального процесса по делу Северного мятежа осталось ровно десять дней. Десять дней, председатель!

Эти слова упали в зал с глухим, свинцовым весом.

— Вы знаете закон не хуже меня, — жестко продолжал Рош. — Закон о связанной измене военного времени. Двенадцать главарей восстания заперты в Серой башне. Если через десять дней трибунал подтвердит их вину и признания на открытом судебном заседании, закон позволит автоматически привести в исполнение смертные приговоры двумстам четырнадцати их активным сообщникам, уже внесенным в списки! Без бесконечных апелляций, без волокиты в провинциях, без риска новых вооруженных бунтов на северных трактах! Двести четырнадцать казней остановят надвигающуюся войну!

Я затаила дыхание, чувствуя, как холодная волна ужаса прокатывается по спине.

Двести четырнадцать жизней. Вот какова была истинная ставка.

Если признания двенадцати заговорщиков опирались на ту же самую технологию — на вынужденные признания и показания умерших свидетелей, запертых управляемым эхо, — процесс превратится в грандиозное узаконенное убийство.

— И на чем же строятся обвинения этих двенадцати, Эрван? — тихо спросил Дейн, не отводя взгляда от пластин.

— На признаниях живых и на непровержимых показаниях Последнего отзвука погибших офицеров гарнизона, — отрезал Рош. — Если мы сейчас остановим машину правосудия из-за двух сомнительных трупов мелких клерков, если мы позволим ведьме посеять сомнения в непогрешимости телесных свидетельств — весь процесс рухнет! Совет не допустит отсрочки. Я требую изолировать Кайрена Варда в казематах без права переписки, немедленно приостановить лицензию госпожи Рей за превышение полномочий, а тела изъять в ведение специальной коллегии юстиции.

— Нет, — твердо произнесла я.

Валлен в углу издал сдавленный стон. Стражники позади нас переглянулись. В Высшем суде никто и никогда не смел говорить «нет» первому юстициару Короны.

Рош повернулся ко мне. В его темных глазах не было гнева — там мерцало холодное, хищное любопытство человека, разглядывающего насекомое перед тем, как раздавить его каблуком:

— Вы забываетесь, госпожа Рей. Вы — всего лишь технический служащий при моргах. Ваша задача — мыть секционные столы и заполнять графы вскрытия. Государственные решения принимаются не вами.

— Моя задача — гарантировать, что Корона не казнит людей по указке шарманки, вшитой в гнилое горло, — я выдержала его давящий взгляд, не опустив подбородка. — Вы требуете закрыть дело, потому что у вас нет времени. Но судебный устав не позволяет закрывать глаза

на доказанный разрыв материальной цепи. Если эти два тела фальсифицированы, показания всех остальных тел подлежат ревизии.

Я повернулась к председателю Дейну, чувствуя, как колотится сердце под шерстяным платьем:

— Господин председатель. Я предлагаю процессуальный выход. Проверяемый, воспроизводимый план.

Дейн медленно поднял на меня свои выцветшие глаза:

— Я слушаю вас, эксперт Рей. Но выбирайте слова осторожно.

— Клятва Отзвука оставляет материальный след. Ее нельзя активировать без физического образца крови или прямого контакта с носителем. Если дознаватель Вард лично запечатывал эти фальшивки, на его руке неизбежно останутся следы вторичной проводимости — ожоги тканей от обратного тока силы. Если же его подпись была украдена, значит, существует физический канал утечки: изъятый образец крови, аппарат переноса резонанса и оператор, проводивший вскрытие.

Я положила ладонь на деревянный судебский барьер:

— Дайте мне десять дней. Ровно до назначенного открытия процесса по Северному мятежу. Дайте мне право контролируемого доступа к архивам дознания и образцам клятвенной крови. Я проведу сравнительный анализ и представлю трибуналу материальное доказательство: либо факт личной вины Варда, либо доказательство внешнего взлома системы.

— А если не представите? — прищурился Дейн.

— Если через десять дней у меня не будет воспроизводимого доказательства, — я сделала глубокий вдох, сжигая за собой последние мосты, — вы отзовёте мой мандат, поставите вопрос о лицензии и передадите коллегии дело о должностном саботаже. Я ставлю собственную свободу и профессию в залог чистоты доказательной цепи.

Тишина, повисшая в зале, стала почти осязаемой.

Даже Рош на миг замер. Его взгляд задержался на мне дольше прежнего.

Рядом со мной тяжело перевел дух Кайрен. Он не пытался вмешаться, не играл в благородство и не просил пощады. Он лишь коротко, едва заметно склонил голову в мою сторону — скупой жест равного, признающего непомерную цену чужой ставки.

Председатель Дейн долго молчал. Его сухие, узловатые пальцы отбивали мерную, монотонную дробь по краю стола. Он переводил взгляд с меня на скованного Кайрена, затем на неподвижного Роша, не произнося ни слова.

— Десять дней, — наконец произнес Дейн.

Голос судьи прозвучал как удар топора по плaxe:

— Астер, это превышение твоих полномочий! — в голосе Роша впервые прорезалось глухое раздражение.

— Это тринадцатая статья Устава Высшего суда, Эрван, — холодно отрезал председатель. — Право председателя назначить экстренную техническую проверку при обоснованном сомнении в допустимости главного доказательства. Процесс по делу мятежа не отменяется. Он откроется ровно через десять дней, по утреннему колоколу. Но я не позволю Короне вынести приговор, который через месяц будет высмеян и оспорен из-за гнилых показаний.

Дейн поднялся со своего кресла, одернув судебскую мантию:

— Дознаватель Вард не оправдан. Он остаётся под следствием в статусе центрального подозреваемого. Гвардия снимет с него боевые кандалы и наложит судебные маяки маршрута: он не имеет права покидать черту города и обязан являться по первому требованию приставов. Эксперт Рей получает узкий чрезвычайный мандат независимого телесного эксперта по делу о посмертной модификации и отвечает за сохранность доказательственной цепи. Вы будете работать вместе в пределах этого мандата.

Судья устремил на меня свой колючий, ледяной взгляд:

— Но не питайте иллюзий, Селена Рей. Я не ваш союзник. Мне безразлична судьба Кайрена Варда и мне безразличны ваши ведьмовские принципы. Мне нужна чистая доказательная цепь, которая устоит перед лицом Совета. Если через десять дней вы принесете мне пустые догадки — мандат будет отозван, а вопрос о вашей лицензии, свободе и должностном саботаже уйдёт в коллегия. И запомните: если вы докажете системную фальсификацию, только тогда — в отдаленном будущем, отдельным решением Высшего суда и Совета — мы сможем рассмотреть вопрос о создании независимой Палаты телесных свидетельств, свободной от дознания. Не раньше. Сначала докажите ложь.

— Принимается, господин председатель, — тихо ответила я.

Рош не стал продолжать спор. Первый юстициар оправил манжеты камзола, и на его губы вернулась безупречная, холодная улыбка:

— Десять дней пролетят очень быстро, госпожа Рей. Зимой в столице бывает скользко. Берегите себя.

Он развернулся и ровной, неслышной походкой направился к выходу. Валлен, низко поклонившись Дейну, бросился следом, стараясь не отставать от своего покровителя.

Гвардейцы подошли к Кайрену, щелкнули ключами и сняли тяжелые медные наручники. На их место застегнули широкие кожаные браслеты с тонкими серебряными пластинами — судебные маяки, вспыхивавшие тусклым светом при попытке покинуть пределы Верхнего города. На запястьях дознавателя остались глубокие багровые вмятины, но черная вязь Клятвы Отзвука оставалась спокойной, словно затаившийся зверь.

Мы вышли из зала суда через боковую галерею и спустились на открытую каменную террасу, выходящую на северную сторону дворца.

Ледяной ветер с реки мгновенно ударил в лицо, заставив меня перевести дыхание. Внизу раскинулась серая громада столицы: острые шпили ратуши, дымящие трубы ремесленных кварталов, бесконечные ряды заснеженных черепичных крыш. Город жил своей привычной жизнью, не зная, что на весах правосудия уже лежали две сотни жизней.

— Вы безумны, госпожа Рей, — негромко произнес Кайрен.

Он стоял у каменного парапета, опершись на него ладонями. Ветер трепал его темные волосы, бросая пряди на бледный лоб. В его голосе не было насмешки — только тяжелое, мрачное изумление человека, привыкшего видеть вокруг лишь предательство и торг:

— Вы только что заложили собственную жизнь ради человека, чью вину вы сами до конца не исключаете.

— Я сделала это не ради вас, дознаватель Вард, — я повернулась к нему, пряча замерзшую левую руку в карман плаща. — Я сделала это ради того, чтобы тела в моем морге перестали быть послушными куклами в чужой игре. И ради двухсот четырнадцати человек, чьи приговоры зависят от этого процесса. Мы не союзники. Между нами нет доверия. Но у нас есть десять дней, чтобы найти того, кто украл вашу кровь.

— После сегодняшнего заседания тот, кто зачищает старые следы, поймёт, что мы их увидели, — сухо сказал Кайрен. — Значит, следующего хода можно ждать раньше, чем нам хотелось бы.

Он не успел договорить.

Снизу, со стороны караульного двора, загремели торопливые шаги. По обледелым ступеням террасы, перепрыгивая через две ступени, к нам взбежал младший судебный пристав в расстегнутом форменном полушубке. Его круглое лицо посинело от мороза и паники, из открытого рта вырывались густые клубы пара:

— Господин Вард! Госпожа Рей! Слава Создателю, вы еще здесь!

Кайрен мгновенно подобрался, заслоня меня плечом:

— Что произошло?

— Убийство в Архивной слободе! — пристав тяжело дышал, хватаясь рукой за каменные перила. — Срочный вызов из дежурной части! Полчаса назад в собственном доме найден мёртвым Орел Санн!

Кайрен замер. Его лицо в долю секунды превратилось в застывшую маску из серого гранита:

— Санн?..

— Бывший старший регистратор Палаты дознания, — быстро пояснил пристав, нервно оглядываясь на окна судебного дворца. — Тот, кто вел списки секретного делопроизводства семь лет назад, до вашего вступления в должность! Соседи слышали грохот, вызвали стражу... Горло перерезано, господин дознаватель. Точно так же, как у нотариуса Морна!

Холодная игла дурного предчувствия вонзилась мне под ребра. Третий. Еще один человек из судебного ведомства, связанный со старыми архивами.

— Тело опечатали? — резко спросила я.

— Там сейчас дежурный караул, госпожа Рей, — закивал пристав. — Но это еще не всё. Убийца не просто перерезал ему горло. Он обмакнул пальцы в кровь покойного и на белой стене прямо над телом вывел надпись.

— Какую надпись? — потребовал Кайрен.

Пристав сглотнул вязкую слюну, его голос упал до еле слышного шепота:

— Там написано одно слово, господин Вард. «Реестр».

Глава 4

Зимний ветер над Набережным переулком пах не чистым снегом, а застойной речной тиной, мокрым каменным углем и дешевым едким табаком караульных.

Архивная слобода жалась к крутому склону подножия Верхнего города сетью кривых, темных проулков, куда солнечный свет почти не проникал даже в ясные дни. Здесь веками селились мелкие чиновники судебных палат, писцы, переплетчики казенных книг, отставные приставы и вдовы секретарей — люди, чья жизнь без остатка проходила среди шелеста ветхого пергамента, крошащегося сургуча и едкой чернильной пыли. Двухэтажные дома из серого слоистого песчаника стояли вплотную друг к другу, соприкасаясь покосившимися водостоками и выставляя на улицу кованые железные решетки нижних окон.

Когда наша карета под охраной двух конных приставов судебного ведомства свернула в узкий тупик у дома номер семь, проезд уже был перекрыт.

Вдоль обледенелой мостовой чадили факелы, вставленные в тяжелые железные корзины на треногах. Густой, маслянистый дым стелился над мостовой, оседая на снегу черными хлопьями копоти. За пеньковой веревкой оцепления жалась небольшая кучка зевак: хозяин лавки колониальных товаров в засаленном фартуке, две старухи в толстых пуховых платках и несколько мальчишек-подмастерьев. Но порядок в тупике держали вовсе не городские стражники в медных касках.

У невысокого каменного крыльца застыли четверо рослых солдат в длинных темно-зеленых плащах с серебряным шитьем королевского грифона на левом плече.

Дворцовая стража. Личная силовая опора первого юстициара Эрвана Роша.

— Они спешат, — негромко произнес Кайрен, вглядываясь сквозь заиндевевшее стекло каретной дверцы.

Он сидел на противоположной скамье, запахнув полы темно-серого суконного пальто. На его запястьях тускло поблескивали серебряные пластины судебных маяков, наложенных по распоряжению председателя Дейна. За время короткой дороги от Судебного дворца до слободы Вард не произнес ни единого лишнего слова. Он лишь методично отслеживал перекрестки, запоминал повороты и внимательно следил за прикомандированными к нам приставами. Его лицо хранило выражение холодной, отточенной собранности, но я успела заметить, как резко обозначились желваки на его скулах, когда пристав произнес имя убитого архивиста. Орел Санн был для Кайрена не просто именем из книги приходов.

— Дворцовая гвардия не выезжает на бытовые убийства отставных переписчиков, — ответила я, затягивая кожаные ремни дорожного чемодана с инструментами. — Смерть чиновника такого ранга — дело квартального надзирателя и дежурного лекаря. Если здесь стоят люди Роша, значит, канцелярия получила донесение еще до того, как мы вышли из зала Малой коллегии.

— Они получили его раньше, — сухо отозвался Кайрен. — И пришли не для того, чтобы искать следы. Они пришли закрыть дверь.

Мы спустились на обледенелые плиты переулка. Колючая снежная крупа немедленно ударила в лицо. Судебные приставы Дейна молча встали за нашими спинами, положив руки на эфесы форменных палашей: судебный мандат давал нам высшую следственную прерогативу, но против обнаженных клинков гвардии пергамент с красной печатью оставался лишь куском тонкой кожи.

Едва мы приблизились к крыльцу, как от дверей отделилась массивная фигура офицера. Капитан Венн Кел.

Я знала его по открытым слушаниям трибунала. Сорокадвухлетний ветеран подавления Северного мятежа, с квадратным, словно высеченным из серого песчаника лицом, тяжелой

нижней челюстью и глубоким косым шрамом, рассекавшим левую бровь до самого виска. В каждом его движении сквозила давящая армейская привычка подчинять силой: он не вел диалогов, он отдавал приказы или ломал тех, кто смел спорить. Поверх начищенной кирасы был наброшен короткий плащ с серебряной капитанской тесьмой, а тяжелая ладонь в боевой перчатке небрежно покоилась на рукояти кавалерийского палаша.

Венн преградил нам дорогу, уперев взгляд в мое лицо. В его светлых, посаженных глубоко под надбровные дуги глазах плескалась холодная чиновничья надменность:

— Место происшествия опечатано, госпожа Рей. Территория находится под юрисдикцией специальной канцелярии первого юстициара. Возвращайтесь в анатомический подвал.

— Уберите караул с порога, капитан, — сказала я с казенной четкостью, которая всегда раздражает военных. — Я нахожусь здесь на основании чрезвычайного мандата председателя Высшего суда Астера Дейна. Палата телесных свидетельств принимает к производству любое дело, связанное с признаками посмертной модификации тканей чиновников судебного аппарата. Вот судебный приказ.

Я развернула перед его глазами свиток с крупным сургучным оттиском печати трибунала.

Венн даже не опустил глаз на герб. Его взгляд скользнул мимо меня и впился в стоявшего чуть позади Кайрена. На губах офицера зазмеилась кривая, глумливая усмешка:

— Вард. Какая трогательная картина. Еще вчера ты отдавал приказы офицерам Короны, а сегодня ходишь на веревочке у ведьмы с сундуком. Дейн нацепил на тебя кандалы для беглых каторжников, а ты делаешь вид, что всё еще служишь закону?

Кайрен не изменился в лице. Ни единый мускул не дрогнул на его щеках, но зрачки сузились, превратившись в две ледяные щели. Он посмотрел на капитана так, словно перед ним была не вооруженная охрана, а серый уличный камень, который достаточно перешагнуть.

— Капитан Кел, — повысила я голос, заставляя офицера повернуть голову. — Если вы задержите начало экспертного осмотра, судебные приставы зафиксируют вмешательство в цепь хранения. Рапорт ляжет на стол Дейна до заката. Мой чрезвычайный мандат требует сохранить тело и допустить первичный осмотр. Хотите объяснять председателю суда, почему его предписание было сорвано вашей стражей?

Челюсти Венна сжались с глухим хрустом. Шрам на его брови налился багровым. Он бросил короткий взгляд на двух приставов Дейна, уже раскрывших протокольные свитки.

— Пять минут, госпожа эксперт, — процедил Венн сквозь зубы, отступая на полшага и пропуская нас к тяжелой дубовой двери. — Мои люди уже вызвали специальный фургон. Тело Орла Санна будет изъято и доставлено в закрытый госпиталь канцелярии по прямому распоряжению юстициара. Вы зря пачкаете юбки.

— Это покажет вскрытие, — отрезала я и толкнула створку.

Внутри дома царил тяжелый, спертый воздух, в котором сплелись запахи сырой штукатурки, прелого пергамента, остывающего печного дыма и приторно-металлический дух свежей крови.

Жилище архивиста состояло из трех проходных комнат. Мы миновали узкую темную прихожую и вошли в рабочий кабинет — просторное помещение с низкими сводчатыми потолками и занавешенными плотной шерстяной тканью окнами.

Вдоль стен до самого верха высились тяжелые сосновые стеллажи, забитые кипами судебных дел, перевязанных выцветшей тесьмой. Но сейчас кабинет напоминал место погрома. Два массивных кованых сундука в углу стояли распаханутыми, их содержимое — старые расходные книги, ведомости канцелярии, пачки чистой гербовой бумаги — валялось прямо на полу. Ящики письменного стола были выдернуты и брошены возле потухшего очага. Чернильница из темной бронзы оказалась опрокинута, и густая фиолетовая жижа залила расстеленный на столе шерстяной коврик, медленно капая на доски пола.

Обыск. Стремительный, профессиональный и грубый. Искали не серебро и не драгоценности — на каминной полке нетронутыми стояли медные подсвечники и тяжелые карманные часы. Искали бумаги.

А прямо посреди комнаты, на вытертом восточном ковре, распростерлось тело хозяина.

Орел Санн. Сухощавый старик лет шестидесяти с редкими седыми прядями на высоком угловатом лбу, одетый в теплый домашний халат поверх полотняной сорочки. Он лежал на правом боку, лицом к потухшему камину. Его голова была неестественно, жутко запрокинута назад, обнажая страшный, широкий разрез на шее — от челюстного угла до противоположного уха.

А на беленой известковой стене прямо над его телом, на высоте человеческой груди, темнели крупные, неровные буквы, выведенные пальцами, испачканными в полузапекшейся черной жиже:

«РЕЕСТР».

Буквы уже подсохли, известка втянула в себя влагу, и по краям надписи проступили мелкие трещины.

— Вот ваше свидетельство, эксперт, — позади нас возник капитан Венн. Он встал в дверном проеме, скрестив руки на груди и не сводя тяжелого взгляда с Кайрена. — Соседи снизу услышали грохот падающей мебели около получаса назад. Гвардейский патруль выбил дверь через семь минут после сигнала. Санн уже лежал здесь в агонии. Убийца ушел через окно задней спальни во дворы. Классический почерк заговорщиков: старик слишком много знал о тайных операциях старого состава дознания, вот мятежники и перерезали ему глотку, чтобы скрыть концы.

Я не стала отвечать. Опустилась на колени прямо на грязный ковер, поставив чемодан на пол.

Мой ведьмовский дар внутри молчал: после утренней работы в морге я держала чувствительность закрытой, помня, как тупо и неотвязно ноет левая кисть. Но здесь не требовалась магия. Здесь требовались глаза анатома, знание механики жидкостей и судебный опыт.

Я достала из гнезд чемодана тонкие предметные стекла, пинцет, увеличительное стекло в латунной оправе и чистую белую салфетку.

Первое, что бросалось в глаза судебному эксперту — кровь.

Под шеей Санна на ковре расплылось темное, почти круглое пятно запекшейся крови диаметром не более двух футов. Лужа была плотной, желеобразной, почти не пропитавшей подложку ковра.

Но вокруг пятна царил стерильная чистота.

Я наклонилась ближе. Ни на полированных ножках опрокинутого письменного стола, стоящего в двух футах от головы покойного, ни на корешках разбросанных книг, ни на светлых обоях позади дивана не было ни единой капли.

Ни одного фонтанного брызга. Ни единой динамической дорожки.

— Он умер не в этой комнате, — произнесла я тихо, но слова прозвучали в тишине кабинета четко и веско.

Капитан Венн дернулся, его рука инстинктивно легла на рукоять палаша:

— Что вы несете, Рей?! Он лежит на собственном ковре, в собственной луже крови!

— На ковре лежит мёртвое тело, капитан Кел. И лужа под ним вмещает от силы полторы пинты. — Я указала кончиком пинцета на зияющие края разреза на шее старика. — Посмотрите на глубину раны. Перерезана сонная артерия, рассечена яремная вена, задеты глубокие фасции. Когда человеку наносят такое повреждение при жизни, работающее сердце выбрасывает кровь под давлением. Струя бьет на четыре-пять футов. Вся стена напротив должна быть покрыта веером восходящих брызг. Кровь должна быть на книгах, на столе, на потолочных балках, на одежде нападавшего.

Я развернула белую шелковую салфетку и провела ею по нижнему срезу ближайшей книжной полки, висевшей прямо над телом.

Полотно осталось абсолютно чистым, за исключением серого слоя застарелой пыли.

— Здесь нет артериального выброса, — продолжила я, поднимая салфетку перед лицом Венна. — Та кровь, что вытекла на ковер — это пассивный сток. Она вытекла под действием обычной силы тяжести из крупных сосудов уже после того, как сердце прекратило сокращаться. Горло Орлу Санну перерезали тогда, когда он *уже был мертв*.

— Чушь! — резко бросил офицер, но в его голосе проскользнула едва уловимая трещина. — Караульные слышали шум борьбы!

— Караульные слышали, как кто-то с грохотом перевернул стол и высадил раму в спальне, чтобы привлечь внимание слободы и симитировать нападение, — холодно парировала я.

Я положила салфетку на лоток, натянула тонкие кожаные перчатки и аккуратно взяла покойного за правое запястье. Попыталась разогнуть пальцы руки.

Суставы не шелохнулись. Они были заперты с монолитной, несокрушимой твердостью.

— Трупное окоченение, — продиктовала я приставу Дейна, который торопливо вытащил из сумки свиток протокола и обмакнул перо в дорожную чернильницу. — Окоченение полное, генерализованное. Оно полностью охватило нижнюю челюсть, затылочные мышцы, плечевой пояс и дошло до дистальных фаланг пальцев. Мышцы бедер и голеней — как дерево.

Я коснулась тыльной стороной руки обнаженного предплечья старика:

— Температура тела в подмышечной впадине сравнилась с температурой воздуха в комнате. Человек не остывает до такого состояния за тридцать минут, капитан Кел. При температуре этой комнаты окоченение такой глубины формируется не менее пяти-шести часов. Орел Санн погиб рано утром, задолго до того, как мы с дознавателем Вардом вошли в здание Высшего суда.

Кайрен сделал шаг вперед. Его глаза неотрывно следили за моими руками. В его движениях не было суеты — лишь предельная, расчетливая концентрация.

— Ноги, госпожа Рей, — негромко произнес он. — Обратите внимание на угол в тазобедренных суставах.

Я перевела взгляд ниже.

Санн лежал на боку, но его колени были плотно, почти судорожно подтянуты к грудной клетке, а ступни подвернуты под бедра. Окоченение зафиксировало тело в плотной, неестественно согнутой позе. Человек, умирающий на свободном пространстве широкого ковра от потери крови, распрямляет конечности в терминальной агонии или застывает в естественном расслаблении.

— Он окоченел не на полу, — сделала я вывод, занося наблюдения в протокол. — Его тело остывало и фиксировалось в узком, замкнутом пространстве. В ящике, на узкой полке или на короткой деревянной скамье. А затем его привезли сюда, сгрузили на ковер и придали позе видимость случайного падения.

— Довольно сказок! — сорвался Венн. На его шее вздулись толстые вены. — Экспертиза окончена! Гвардия, забирайте труп!

Двое гвардейцев в зеленых плащах шагнули в кабинет, разворачивая грубые холщовые носилки.

Но дорогу им преградил Кайрен.

Он не выхватывал оружия и не делал угрожающих жестов. Он просто встал между солдатами и телом, расправив широкие плечи. Его темная, высокая фигура заполнила проход между стеллажами. Серебряные браслеты судебного маяка на его запястьях слабо мерцали, но в его глазах горела такая привычная, смертоносная уверенность, что гвардейцы невольно остановились, оглядываясь на своего командира.

— Назад, — произнес Кайрен. Голос его был тихим, но в нем звенела тяжесть обнаженного клинка. — Экспертиза не завершена. Любая попытка нарушить целостность улики до составления официальной карты повреждений является прямым преступлением против правосудия. Капитан Кел, вы готовы объяснить председателю Дейну, почему вы лично распорядились скрыть следы транспортировки тела?

— Ты никто, Вард! — прорычал Венн, подходя к нему вплотную. — Ты арестант, доживающий последние дни до эшафота! Один мой приказ — и мои парни приколют тебя к этому ковру за сопротивление конвою!

— Но за этим приказом последует мой протокол, капитан, — я поднялась на ноги, становясь рядом с Кайреном.

Я была значительно ниже обоих мужчин, но сейчас за моей спиной стоял весь аппарат королевского судопроизводства. И я не собиралась уступать ни пяди:

— Я — старший эксперт Палаты телесных свидетельств с прямым чрезвычайным мандатом. Я запрещаю перемещать тело Орла Санна до окончания первичных проб. Если ваши люди сделают ещё один шаг, приставы Высшего суда зафиксируют силовое вмешательство в цепь хранения, а мой рапорт ляжет на стол Дейна вместе с именами всех присутствующих. После этого каждое действие с телом придётся объяснять уже председателю суда.

Венн тяжело, со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Его пальцы до белизны сжали эфес палаша. Он яростно посмотрел на двух молчаливых приставов Дейна, чьи перья неторопливо фиксировали каждый его шаг. Закон пока еще имел зубы.

— Десять минут, Рей, — выдавил он с глухой яростью. — Через десять минут я вынесу это тело, даже если мне придется перешагнуть через вас обоих.

Я повернулась спиной к офицеру, снова опускаясь на колени возле Санна. Времени было в обрез.

Теперь, когда факт посмертного перемещения был зафиксирован процессуально, оставалось ответить на главный вопрос: где именно находилось тело эти шесть часов?

Я взяла увеличительное стекло и поднесла его к кровавой надписи на стене.

Слово «РЕЕСТР» выглядело неряшливо. Кровь, которой оно было выведено, запеклась комьями. Я осторожно подцепила кончиком скальпеля край засохшей корки и перенесла крошечную чешуйку на предметное стекло.

В ней не было однородности живой крови. Внутри виднелись тонкие серые нити фибрина и хлопья распавшихся клеток. Тот, кто писал это слово, не обмакивал палец в свежую рану умирающего. Он набрал кровь из уже начавшегося тромба в яремной вене мёртвого человека и намазал ее на известь. Это была декорация. Хладнокровная, расчетливая инсценировка.

Затем я опустилась к ногам старика.

На нем были домашние туфли из плотного серого войлока. Я перевернула одну из туфель подошвой к свету фонаря.

В шершавую поверхность войлока глубоко въелась сухая, мелкая белая пыль.

Я поднесла линзу вплотную. Это была не уличная дорожная грязь и не речной песок Набережного переулка. Это была чистая, тяжелая известковая мука. Но не свежая строительная побелка — в составе крупниц четко просматривались темные включения угольной золы и крошечные крупницы старого печного шлака.

Такая же белая пыль густым налетом покрывала спину халата покойного, ткань на локтях и седые волосы на затылке.

— Известка, — произнесла я, соскабливая крупницы в стеклянную пробирку. — Старая гашеная известка с примесью шлакового песка. Стены этого дома оштукатурены чистым гипсом с алебастром. Это следы из другого помещения. Из сырого, холодного подвала с осыпавшимися стенами.

— И не только известка, госпожа Рей, — раздался над моим ухом тихий голос Кайрена.

Он присел рядом на одно колено. Его рука в перчатке осторожно отодвинула рукав полотняной сорочки старика, обнажая предплечье.

На тонком, иссохшем запястье Санна, прямо над выступающей головкой локтевой кости, темнел глубокий продавленный след. Полоса шириной в два пальца, по краям которой виднелись мелкие ссадины. Кожа была содрана, но ранки не кровоточили: зажим наложили незадолго до смерти или сразу после нее.

А по краям ссадины четко зеленел тончайший порошкообразный налет.

Я коснулась налета кончиком пинцета:

— Медная патина. Окислившийся металл.

— Медные фиксаторы, — подтвердил Кайрен и прищурился. — Тяжелые прижимные скобы из литейной меди с винтовыми зажимами. Их монтируют на секционные столы и допросные лежа, чтобы гасить случайные магические колебания и удерживать тело неподвижным. Медь стягивали так туго, что металл содрал кожу.

Я замерла, соединяя звенья единой цепи.

Человека убили. Или усыпили, перевезли в холодное подвальное помещение со стенами из шлаковой извести, приковали к каменному ложу медными скобами.

И там провели операцию.

Я снова склонилась над страшной раной на шее Санна. Пинцетом осторожно раздвинула края рассеченной кожи под челюстью.

И внутри, в глубине темных сгустков, мой инструмент наткнулся на знакомое сопротивление.

Подъязычная кость архивиста была надпиlena. А сквозь фасции гортани тянулась тончайшая, поблескивающая в свете факела серебряно-медная нить.

Но здесь работа не была завершена. Концы нитей не были сведены в узел, вокруг хрящей не хватало замыкающих скоб. Контур оставался открытым, мёртвым.

— Незавершенная эхо-пришивка, — прошептала я, чувствуя, как мороз продирает кожу. — Они начали вживлять матрицу, но не успели запечатать ее подписью. Их прервали? Или понадобилось срочно перевезти тело сюда, чтобы разыграть нападение мятежников?

Кайрен поднялся, глядя на слово «РЕЕСТР» на стене.

— Его вывели кровью уже после смерти, — сказал он.

— Значит, это не предсмертное сообщение Санна, — ответила я. — Кто написал слово и зачем, мы не знаем. Но его можно проверить как отдельный след.

— Вард, — я встала рядом с ним, глядя ему прямо в глаза. — Известь со шлаком. Медные скобы на секционных плитах. Вы узнали это место. Не молчите. Что это за подвал?

Кайрен помолчал несколько секунд. Его взгляд потяжелел. Только затем он тихо произнес:

— Старый дом допросов. Закрытый комплекс тайной канцелярии на границе Кожевенного тупика.

— Он заброшен?

— Шесть лет назад Старый дом вывели из реестра действующих тюрем, — сказал Кайрен. — Его стены белили известью со шлаком, а в нижнем ярусе стояли старые медные крепления. Совпадение слишком точное, чтобы его игнорировать. Но это след, Селена, не доказательство места обработки.

— А надпись? — я указала на стену. — Что значит «Реестр»?

Кайрен перевел тяжелый взгляд на бурые буквы:

— Чёрный реестр. Секретный архив Палаты дознания, который велся семь лет назад, во времена первых мятежей. Туда заносились дела, по которым признания выбивались силой, а смертные приговоры утверждались без открытого суда. Дела, которых официально никогда не

существовало. Орел Санн был главным хранителем этого реестра до того, как Рош объявил старые архивы уничтоженными.

В комнате разом стало тесно и неподвижно.

Чёрный реестр получил вес не как готовый ответ, а как проверяемый след. Слово на стене могло оказаться приманкой, попыткой направить расследование или указанием на реальный старый архив. Пока мы не увидим сам реестр и его цепь хранения, ни одного из этих вариантов нельзя было назвать фактом.

— Время вышло! — от дверей рывкнул капитан Венн, шагая в комнату с обнаженным палахом в руке. — Солдаты, забрать тело! Эксперта и арестанта выставить вон!

Я развернулась к офицеру, выпрямившись во весь рост. Во мне больше не было сомнений — была лишь холодная, яростная уверенность профессионала, поймавшего след:

— Назад, капитан Кел!

Мой голос хлестнул по комнате, заставив гвардейцев замереть.

— В протокол внесено следующее заключение, — я указала рукой на пергамент пристава, где уже чернели ровные строки. — Смерть гражданина Орла Санна наступила не менее шести часов назад вне пределов данного помещения. Место происшествия подверглось умышленному загрязнению и фальсификации. На теле зафиксированы следы посмертной транспортировки, глубокие вмятины от медных крепежных скоб и фрагменты промышленной известковой пыли. В ране шеи обнаружен незавершенный контур эхо-пришивки.

Я посмотрела прямо в налитые кровью глаза Венна:

— На основании статьи сороковой Устава судебных прерогатив я накладываю арест на тело Орла Санна как на вещественное доказательство чрезвычайной государственной важности. Тело поступает в распоряжение Палаты телесных свидетельств и будет немедленно перевезено в судебный морг под охраной приставов Высшего суда. Если вы или ваши люди попытаетесь коснуться носилок — это будет оформлено как силовое нападение на судебный конвой с целью сокрытия улик государственного заговора.

Венн побледнел. Его пальцы судорожно стиснули рукоять палаша, желваки заходили ходуном. Взгляд метнулся к печати трибунала, потом к приставам Дейна. Палаш так и не вышел из ножен.

— Вы играете с огнем, госпожа Рей, — прошипел капитан, загоня клинок обратно в ножны. Металл лязгнул с сухим, зловещим скрежетом. — Вы вцепились в труп, который утянет вас на дно вместе с Вардом. Запомните этот день. Очень скоро вы будете умолять о том, чтобы вам позволили уйти обратно в ваш морг.

— Приставы, подготовьте покойного к транспортировке, — бросила я, не удостоив офицера ответом. — Опечатать носилки личной пломбой. В морг — по прямому маршруту через Верхнюю заставу.

Венн круто развернулся на каблуках и широким, тяжелым шагом вылетел из кабинета, бросив своим гвардейцам короткую команду уходить. Топот их кованых сапог быстро затих в узком переулке.

Я тяжело оперлась о край письменного стола, переводя дыхание. Левая рука ныла тупой, противной ломотой, колени мелко дрожали от пережитого напряжения, но внутри горело холодное пламя.

Кайрен подошел ко мне. На этот раз привычного отчуждения в его взгляде почти не осталось:

— Вы только что объявили войну дворцовой страже, госпожа Рей. Венн не забудет этого унижения.

— Я защитила чистоту доказательств, дознаватель Вард, — я закрыла замки чемодана, резко затянув кожаные ремни. — А теперь ваша очередь отвечать. Старый дом допросов. Где он находится?

Кайрен повернулся к окну, за которым сгущались ранние зимние сумерки.

— На границе Кожевного тупика и старых скотобоев. Здание заброшено и опечатано судебными печатями. Но войти туда без официального ордера трибунала — государственная измена. Если нас поймут там, Дейн не сможет прикрыть нас никакими мандатами.

— Десять дней нам дали вчера, дознаватель, — тихо напомнила я, заглядывая ему прямо в глаза. — И первый уже почти прошёл.

Глава 5

Зимний день в столице угасал грязно и быстро, словно лампадное масло, разбавленное речной водой.

К четырем часам пополудни серые каменные громады Верхнего замка окончательно растворились в липком, сизом тумане. С реки тянуло мелкой ледяной крупой вперемешку с угольным чадом печей. Наш экипаж — тяжелая карета с решетчатыми стеклами и гербовой плашкой Высшего суда на дверцах — полз по кривым улочкам слободы Кожевников медленно, кренясь на обледенелых колесах. За окном тянулись глухие бревенчатые заборы, заваленные дубильной корой, смерзшиеся штабеля дров и приземистые, почерневшие от копоти бараки, в которых селились поденщики, отставные солдаты и мелкие ведомственные переписчики.

Внутри кареты стоял лютый холод. Двое конных приставов Дейна мерно покачивались в седлах по обе стороны от колес, держа ладони в толстых рукавицах на рукоятках казенных палашей. Они не вмешивались, но их присутствие напоминало: до истечения срока осталось девять суток с четвертью, а Кайрен Вард по-прежнему остается обвиняемым.

Кайрен сидел напротив меня. Его темно-серое суконное пальто было застегнуто под самый подбородок, воротник поднят, скрывая резкую линию челюсти. На его правом запястье серебряная пластина судебного маяка слабо и ритмично пульсировала тусклым белым светом, отслеживая каждый наш поворот. Он не закрывал глаз. Его серые зрачки непрерывно скользили по переулкам, оценивая углы перекрестков, ширину проездов и тени в подворотнях с той привычной, вьевшейся в кости настороженностью, которая выдавала в нем бывшего командира следственных групп.

В моих руках лежал найденный на месте гибели Санна лоскут пергамента с карандашной пометой. Единственный уцелевший след, связывавший разгромленный кабинет архивиста с живым человеком.

— Михел Рут, — произнесла я, когда карету в очередной раз трянуло на колдобине. Пар от дыхания осел инеем на шерстяном шарфе. — Вы работали с ним лично?

Кайрен повернул голову. В полумраке кареты черты его лица казались высеченными из кремня.

— Семь лет назад, — ответил он ровно, без пауз и попыток оправдать свое прошлое. — Когда дела особой категории вели через Старый дом. Рут не был дознавателем. Он служил старшим писарем регистрационной палаты. Человек, чьей единственной обязанностью было сидеть за перегородкой допросной камеры, макать перо в железные чернила и вносить в книги учета каждое слово, дату и номер приговора. Без его подписи ни одна страница не ложилась в архив.

— Он знал, что заносили в Чёрный реестр?

— Он сшивал его тетради, — Кайрен чуть сузил глаза, глядя в мутное стекло. — Но шесть лет назад, когда служба дознания перешла на новый устав, Рута уволили в отставку по состоянию здоровья. Ему назначили казенное содержание и взяли бессрочную подписку о неразглашении. Если Санн оставил его имя рядом с пометкой о реестре, значит, Рут был последним, кто регистрировал перемещение этих томов перед закрытием здания.

— И он боится вас, — констатировала я.

— Он боится всех, кто носит форму канцелярии. В его понимании следователь за порогом означает только одно: свидетеля пришли ликвидировать.

Карета скрипнула тормозными колодками и замерла у глухого тупика.

Дом номер тринадцать по Кривому переулку выглядел так, словно его забыли снести еще в прошлую войну. Кособокий двухэтажный сруб из прогнивших сосновых бревен врос в мерзлую грязь почти по самые подоконники. Крошечные окна нижнего яруса были наглухо забиты

нестругаными досками. Из кирпичной трубы на замшелой крыше поднимался едва заметный, чадный сизый дымок: внутри топили печь торфом или сырыми щепками.

Пристав спрыгнул на мостовую, скрипнув подкованными сапогами по насту, и распахнул дверь:

— Мы на месте, госпожа эксперт. Задний проход заколочен, живых следов во дворе нет.

— Ждите у калитки, — распорядилась я, натягивая капюшон и придерживая поврежденную левую руку у груди. — Внутри не входить, если я не позову.

Мы подошли к низкой калитке. Кайрен нажал плечом — ржавая железная петля взвизгнула, ломая ледяную корку. Двор был завален старыми бочками и сгнившими обрезками кожи; узкая тропинка к крыльцу была едва протоптана, словно хозяин не выходил со двора неделями. На крыльце густо пахло плесенью, кислой капустой и застарелым, вьевшимся в дерево страхом.

Кайрен поднялся по ступеням и постучал.

Три коротких, размеренных удара костяшками пальцев. Затем пауза — ровно на два вдоха — и еще два удара. Старый служебный ритм ночной курьерской связи.

За дверью мгновенно стих слабый шорох. Послышался судорожный, сдавленный вдох, затем торопливое шлепанье войлочных туфель по половицам и металлический лязг тяжелого засова.

Дверь приоткрылась на пару дюймов, удерживаемая толстой кованой цепочкой. В образовавшейся щели блеснул воспаленный, слезящийся глаз, окруженный сеткой старческих морщин:

— Кто там?.. Уходите. Я никого не принимаю... У меня ничего нет...

— Открывай, Михел, — произнес Кайрен.

Он говорил негромко, но в звуке его голоса прозвучала та сухая, непререкаемая сила власти, которую не могли стереть ни годы затворничества, ни судебные маяки на его запястьях.

За дверью что-то глухо стукнуло о пол — старик выронил железную кочергу или совок. Цепочка задрожала, зазвенела о косяк, и в темном проеме послышался тонкий, прерывистый хрип:

— Господин... господин Вард?.. Но в утренних ведомостях... глашатаи на углах кричали...

— Открой дверь, Рут, — повторил Кайрен без нажима, но цепочка тотчас упала из паза. Створка отворилась внутрь.

На пороге стоял человек, чье тело несло на себе несмываемый отпечаток канцелярской каторги. Ему вряд ли было больше пятидесяти пяти, но глубокая сутулость, ввалившиеся небритые щеки и трясущиеся плечи делали его похожим на дряхлого старика. Он кутался в потертый суконный кафтан с оторванными пуговицами. Пальцы его правой руки были сведены профессиональным ревматизмом переписчика: узловатые суставы деформированы, под ногтями въелась чернильная копоть, которую невозможно было отмыть.

Увидев Кайрена во весь рост, Рут попятился назад, шаркая подшитыми войлоком опорками по грязному полу прихожей. Его глаза расширились от паники, челюсть задрожала:

— Вы... вы пришли за мной?.. Я ничего не знаю, господин Вард! Клянусь Престолом, я сдал все описи! Я шесть лет не подходил к архивам!..

— В дом, госпожа Рей, — бросил мне Кайрен, переступая порог и не удостоив старика ответом.

Я вошла следом, прикрыла за собой тяжелую дубовую дверь и опустила внутренний засов.

Комната была крошечной, душной и вымороженной у самого пола. В углу чадила круглая железная печь, от которой пахло тлеющим торфом и горелым железом. На покосившемся столе из некрашенных досок мерцала единственная сальная свеча, освещающая железную кружку с остывшим настоем полыни и краюху зачерствелого хлеба. Ни книг, ни свитков, ни чернил-

ниц вокруг не было: Рут панически вычистил свое жилище от любых предметов, способных напомнить о прежней профессии.

Старик забился в угол между топчаном и бревенчатой стеной, вжав голову в плечи. Его дыхание сбилось, стало частым и поверхностным, на впалых висках блеснули капли холодного пота. Он смотрел на Кайрена снизу вверх, как смотрят на палача, пришедшего зачитать смертный приговор.

— Сядь, Михел, — Кайрен остался стоять посреди комнаты, не снимая пальто.

Его темная фигура нависала над помещением. В его осанке не было театральной угрозы, но в ней сквозила холодная, привычная собранность государственного дознавателя, начинающего процедуру.

— Сегодня утром был убит Орел Санн, — произнес Кайрен. Слова падали в тишину комнаты с весом могильных камней. — Его нашли в собственном кабинете на Набережной. Горло перерезано. До него погибли нотариус Дарек Морн и архивист Корнелий Вейн.

Рут судорожно всхлипнул. Его пальцы вцепились в ворот кафтана, раздирая старую ткань:

— Санн?.. Орел мертв?.. Создатель всемогущий... Значит, они начали чистить списки... Я предупреждал его: брось эти бумаги, беги из города!..

— Кто начал чистить списки, Рут? — Кайрен сделал шаг ближе.

Его голос изменился. Он не повысил тона, но в интонации прорезалась та профессиональная, давящая сталь, с которой коронные следователи ведут принудительный опрос. Кайрен задавал вопрос не из праздного любопытства: за его словами стояло жесткое служебное намерение выбить признание, получить факт любой ценой.

И старик сломался от одного этого звука.

Рут не просто испугался — он впал в животный, физиологический террор. Его лицо мгновенно посерело, на губах выступила мелкая белая пена. Легкие старика свело мучительным спазмом: он задыхался, судорожно глотая воздух широко открытым ртом, пальцы его ног поджались, а худые плечи заколотила крупная дрожь. Это была не симуляция. Его сердце, изношенное годами страха, не выдерживало прямого давления бывшего следователя: сосуды сузились, кровь хлынула к вискам, причиняя ему острую, реальную физическую боль от задыхающегося тела.

И в ту же секунду эта чужая боль нашла отражение.

На правом запястье Кайрена вздулись вены. Смоляной узор Клятвы Отзвука вспыхнул под кожей тусклым, ядовито-багровым жаром.

Клятва не наказывала за вопросы. Она не оценивала правду или ложь и не читала мысли свидетеля. Но она действовала по железному закону причины: если вопрос Кайрена усиливал или причинял боль живому человеку, этот болевой импульс зеркально возвращался дознавателю. Кайрен давил — старик задыхался от физического ужаса — и эта судорога легких ударила по нервам самого Кайрена.

Правое плечо Кайрена дернулось в жестоком спазме.

Я увидела, как побелели его губы. Мышцы его шеи натянулись, по виску скатилась крупная капля пота, пальцы судорожно сжались в кулак. Боль возвращалась к нему волна за волной, выжигая сухожилия.

Но Кайрен не остановился сразу. Он шагнул еще ближе, нависая над сжавшимся стариком, и в его взгляде полыхнула темная, беспощадная воля следователя:

— Кто приходил к Санну? Где находятся ящики с Чёрным реестром, Михел? Куда ушли книги одиннадцатого года? Говори!

— Не знаю... пощадите... — заверещал Рут, сползая с топчана на пол. Он царапал ногтями некрашенные половицы, из его горла вырывался хриплый, свистящий стон. — В груди... горит... Пощадите, господин дознаватель!..

Еще один вопрос. Еще пара фраз, произнесенных тем же свинцовым голосом приказа — и старый писарь потерял бы рассудок от ужаса. Он выплюнул бы всё, что помнил, назвал бы любой тайник, выдал бы любую зацепку, лишь бы прекратить этот удушливый приступ. Кайрен имел силу сломать его прямо сейчас. Это было быстро, профессионально и чудовищно эффективно. Именно так старая канцелярия добивалась признаний годами.

Я стояла у двери, сжимая в кармане поврежденную кисть. Мое сердце глухо колотилось о ребра. Я не бросилась между ними. Я не кричала и не хватала Кайрена за руки, призывая его к совести: на этом расследовании мы оба стояли на краю могилы, и время таяло. Это было его решением. Только его.

И Кайрен Вард сделал этот выбор.

Он замер.

Его дыхание вырывалось из груди со свистом, лицо исказила гримаса жестокой боли, багровый жар на его руке пульсировал в такт бешеному пульсу задыхающегося писаря. Он посмотрел на старика, бьющегося на грязном полу. Затем — на собственное запястье, где Клятва требовала платы за каждую каплю чужого страдания.

Вард медленно, с видимым физическим усилием разомкнул сведенные судорогой пальцы.

И отступил на два шага назад.

— Довольно, — выдохнул он сквозь зубы.

Голос Кайрена сорвался на сиплый, усталый шепот. Он прекратил допрос и больше не давил вопросом.

Багровое свечение на его руке медленно угасло, оставив под кожей лишь неподвижный угольный рисунок.

В ту же секунду спазм отпустил и старика. Рут рухнул лицом на мерзлые доски, жадно, со всхлипами втягивая ртом холодный воздух сквозь щели в полу. Боль в его грудиने начала утихать, приступ паники пошел на спад, оставляя после себя лишь дрожь истощения.

Кайрен тяжело привалился плечом к косяку печи. Его лоб блестел от холодного пота, пальцы правой руки мелко подрагивали.

Он добровольно отказался от быстрого ответа, хотя впереди его ждал Высший суд. Клятва лишь возвращала ему цену боли, которую усиливал его вопрос; остановиться она не заставляла. Он остановился сам.

Я смотрела на него в полумраке душной комнаты, чувствуя, как внутри рушится прежняя холодная стена.

Кайрен не стал другим человеком за эти сутки. Его прошлое не растворилось в тумане, и я по-прежнему не знала, за какие именно грехи он надел на себя это проклятие шесть лет назад. Я не простила его и не питала к нему слепого доверия. Но прямо сейчас, в этой грязной трущобе, он мог продолжить допрос — и сам остановился, хотя это было по его цели и оставляло его под подозрением. Это было твердое, неоспоримое действие. И на этом действии впервые родилось настоящее, устойчивое профессиональное уважение.

Кайрен поднял на меня потемневший от боли взгляд:

— Он не выдержит прямого опроса, госпожа Рей. Сердце старика остановится раньше, чем он закончит фразу. Я больше не прикоснусь к нему вопросом.

— Отойдите к двери, дознаватель, — спокойно произнесла я. — Ваша часть закончена. Теперь говорить буду я.

Кайрен молча отступил в тень угла, прислонившись спиной к бревнам и закрыв глаза, восстанавливая дыхание.

Я подошла к старику. Опустилась на колени прямо на грязный пол рядом с ним, не обращая внимания на пыль. Моя правая рука осторожно коснулась его плеча:

— Поднимайтесь, Михел. Никто больше не кричит на вас. Допроса не будет.

Рут вздрогнул, всхлипнул, с трудом повернул ко мне мокрое от слез и слюны лицо:

— Вы... вы ведьма?.. Вы хотите выжечь мне память?..

— Я эксперт Палаты телесных свидетельств Селена Рей, — ровно ответила я, помогая ему приподняться и сесть обратно на край топчана. — И меня не интересуют ваши признания. Мне не нужны имена ваших начальников. Мне всё равно, кто отдавал приказы семь лет назад. Я здесь не для того, чтобы судить вас за прошлое.

Я пододвинула табурет, села напротив и достала из саквояжа чистый лист пергамента и брусок прессованного угля:

— Давайте поговорим о том, в чем вы разбираетесь лучше любого судьи. О канцелярии. Вы ведь служили переписчиком больше тридцати лет?

Старик заморгал, опешив от резкой смены тона. Его дыхание начало выравниваться, грудная клетка поднималась ровнее:

— Тридцать два года... До самой отставки...

— Как оформляли тома, поступавшие из особых отделов? — спросила я, намеренно понизив голос до мягкой, доверительной полуинтонации. Никаких обвинений. Никаких намеков на заговор. Только физические свойства архивных материалов. — Во что переплетали тетради?

— В свиную кожу... — машинально ответил Рут, и в его голосе прорезались привычные нотки старого канцелярского служащего. Профессиональная рутина возвращала его рассудок из бездн ужаса. — Вымоченную в извести свиную кожу. Без позолоты. Без гербов.

— Чем сшивали листы?

— Вошным льняным шнуром в четыре сложения. Узлы заливали черной сургучной смолой. На таких делах запрещалось ставить красный коронный воск.

— А ящики? В чем эти тома спускали на нижние ярусы?

— В дубовых сундуках, — Рут судорожно сглотнул, кутаясь в кафтан. — Тяжелых, сколоченных из трехдюймовых досок. По углам они были обиты полосовым железом. Их нельзя было поднять в одиночку, мы спускали их на пеньковых веревках через грузовой люк.

— Опишите этот люк, Михел, — мягко попросила я, водя карандашом по пергаменту. — Не говорите, где находилось само здание. Опишите только помещение, куда опускались сундуки. Какая там была кладка?

Старик потер виски узловатыми, перепачканными чернилами пальцами:

— Камень... Серый гранит внизу, а стены сложены из известняковых блоков. Там было сухо, но ужасно холодно. Стены белили известью вперемешку с печным шлаком — побелка осыпалась хлопьями, если задеть ее плечом. На полу лежали плиты с дренажными канавками. А посередине стоял длинный каменный стол... с медными скобами по бокам. Медь от сырости зеленела, и дежурным приставам велели оттирать ее песком перед каждой сменой.

Я не повернула головы, но краем глаза заметила, как выпрямился в тени Кайрен.

Старик описывал то самое помещение, следы которого я нашла на одежде и обуви покойного Орла Санна. Шлаковая известь, медная патины, каменное ложе. Физический ориентир замкнулся.

— На этих сундуках стояли знаки? — продолжала я, сохраняя безупречное спокойствие. — Личные метки ведомства?

— Казенных гербов не ставили, — старик покачал головой. — Запрещалось. Но мастерская, которая ковала железные обоймы для хранилища... они выбивали на замочных накладках свое клеймо. Чтобы дежурный писарь наощупь, в темноте подвала, мог найти нужный ларь среди обычных архивных ящиков.

— Вы помните форму этого клейма?

Рут замялся. Его мутный взгляд метнулся к темному углу, где неподвижно стоял Кайрен, затем снова вернулся к моим рукам:

— Забылось... Столько лет прошло...

— Попробуйте, Михел, — я осторожно протянула ему брусочек угля и пододвинула пергамент к его коленям. — Просто нарисуйте форму металла. Никаких слов. Никаких показаний для трибунала. Только оттиск клейма.

Пальцы старика мелко дрожали, но когда уголь коснулся бумаги, память ремесла взяла свое.

Он вел линии медленно, но абсолютно уверенно. Рука, сорок лет чертившая таблицы и схемы описей, не умела врать в геометрии.

На белом пергаменте проступил четкий, угловатый контур.

Шестиугольный щит с тремя глубокими насечками по верхнему краю. В центре щита был выбит контур разорванной цепи, звенья которой замыкались на стилизованное изображение закрытого замка с узкой, треугольной замочной скважиной.

Физический маркер Старого дома.

Клеймо мастерской, которое Рут связывал с ящиками закрытого следственного комплекса. Для нас это был ориентир, а не доказательство уникальности.

Я аккуратно забрала пергамент, подула на угольную крошку и спрятала лист во внутренний карман саквояжа.

Мы не получили точного адреса тайника. Мы не знали, в какой именно нише или под какой плитой покоятся тома Чёрного реестра. Сам реестр по-прежнему оставался где-то во тьме закрытого здания. Рут сохранил часть информации при себе — он не назвал имен тех, кто забирал дела, и не сказал, кто руководил вывозом. Но теперь у нас был материальный след: железные сундуки с этим клеймом невозможно было перепутать ни с чем другим.

— Спасибо, Михел, — тихо сказала я, поднимаясь с табурета. — Вы помогли закону.

Старик судорожно вздохнул, глядя на свои чернильные пальцы.

Затем он поднял голову. В его выпцветших, слезящихся глазах стоял смертный ужас. Он подался вперед, ухватившись скрюченными пальцами за край моего плаща:

— Госпожа эксперт... Вы не понимаете... Вы ищете сундуки, но сундуки — это просто мёртвое дерево и железо... Их нельзя трогать...

Я остановилась, вглядываясь в его искаженное лицо:

— Почему?

Рут испуганно скосил глаза в сторону Кайрена, сглотнул и вжался спиной в бревенчатую стену, судорожно замотав головой. Несколько секунд он только хватал ртом воздух, а потом выдохнул единственные слова, которые решился добавить:

— Спросите хранителя крови...

Он замолчал. Зажал рот обеими руками, опустил голову на колени и забился в угол топчана, больше не реагируя ни на голос, ни на прикосновения. Старый писарь исчерпал свой предел. Вытягивать из него большее означало повторить ту самую пытку, от которой Кайрен отказался четверть часа назад.

Я повернулась к Кайрену:

— Уходим. Здесь мы закончили.

Вард молча толкнул входную дверь, пропуская меня вперед.

Мы вышли на обледенелое крыльцо.

Зимний вечер окончательно накрыл трущобы Кожевников плотной, морозной тьмой. Метель разыгралась в полную силу: колючие белые вихри свистели в дощатых заборах, заматавая колею нашей кареты. Приставы Дейна недвижно сидели в седлах, укутавшись в промерзшие овчинные полушубки.

Мы сели в карету. Дверцы захлопнулись, отсекая вой уличного ветра. Экипаж тяжело тронулся с места, колеса заскрипели по свежему снегу, унося нас прочь из тупика.

Я достала из кармана пергамент с нарисованным клеймом шестиугольного щита, разглядела его правой рукой при тусклом свете каретного фонаря.

— Хранитель крови, — негромко произнесла я, глядя на Кайрена. — Кто он?

Кайрен сидел напротив. Его лицо в полумраке оставалось бледным, темные пряди волос смерзлись на висках. Его обожженная приступом рука всё ещё слабо подрагивала, спрятанная в карман пальто, но дыхание было ровным. Он поднял на меня тяжелый взгляд.

— Ивен Солл, — ответил дознаватель. — Хранитель клятвенных образцов при трибунале. Если речь действительно касается моей подписи, Солл — следующий человек, которого мы можем спрашивать законно.

Глава 6

В подвалах Палаты телесных свидетельств ночь не наступала — она просто становилась гуще и холоднее.

К полуночи стужа в секционном зале опустилась до той отметки, когда дыхание вырывалось из груди белесыми клубами пара, а талая соленая вода в серебряных желобах вокруг гранитных плит начинала замерзать тонкими ломкими иглами. Мы не гасили углей в двух чугунных жаровнях, но сырой мороз, веками копившийся в толще дворцового фундамента, легко побеждал огонь. В неподвижном воздухе тяжело стоял знакомый с юности запах: кристаллизованная соль, дым сухих можжевельных побегов, остывший пчелиный воск судейских пломб и горький дух полыни, пучки которой Тесса разложила по углам рабочих столов.

Оба тела оставались в центре помещения.

Дарек Морн лежал на главной секционной плите под плотным холщовым саваном, пропитанным квасцами. Корнелий Вейн покоился на передвижном цинковом ложе в трех шагах левее. Металлические заслонки стенных ниш были наглухо опущены и заперты на тяжелые висячие замки. Тело третьего убитого — Орла Санна, доставленное приставами перед закатом, — я распорядилась пока не тревожить: оно находилось в изолированной холодной камере под личной сургучной печатью трибунала, дожидаясь рассвета и официального распоряжения Дейна.

Кайрена в зале не было.

По условиям временного мандата подозреваемый дознаватель не имел права находиться возле вещественных доказательств без надзора нейтральной охраны. Сейчас он работал в смежном помещении — в узкой архивной канцелярии Палаты за массивной железной решетчатой дверью. Там, под надзором двух вооруженных приставов председателя Дейна, Кайрен методично разбирал регистрационные книги допросов за последние шесть лет, пытаясь вычленивать имена тех чиновников, кто имел доступ к аппарату переноса клятвенной крови. Сквозь толстые железные прутья до нас доносился лишь редкий, сухой шелест переворачиваемых страниц да мерный скрип половиц, когда один из конвойных менял стойку.

Мы с Тессой сидели у высокой дубовой конторки возле входа.

Тесса грела озябшие пальцы о глиняную кружку с остывающим отваром ивовой коры, ее круглые очки в медной оправе запотели от дыхания. На краю стола горела единственная масляная лампа с матовым колпаком, очерчивая на пергаментях приходного журнала тусклый желтый круг.

— Селена, — негромко позвала она, не поднимая глаз от столбцов записей. — Ты уверена, что они не вернутся ночью?

— Капитан Венн не посмеет явиться сюда без приказа, — ответила я, проверяя натяжение тонкой шелковой нити, протянутой от изголовья секционного стола к латунному сигнальному маятнику на конторке. — После того как Дейн наложил арест на тела, любая попытка вскрыть морг будет расценена как нападение на королевское хранилище улик. Рош опытен. Он не станет подставлять стражу под прямой трибунал.

— Я говорю не о Венне, — Тесса зябко передернула плечами под шерстяным платком и посмотрела в сторону темных секционных лож. — Я говорю о них. О мертвецах. То, как говорил нотариус Морн... Это противоречит самой природе Последнего отзвука. Если нервные волокна рассечены, если сознание угасло — откуда берется голос?

— Из металла и крови, — я устало потерла переносицу.

Левая рука продолжала напоминать о себе: кончики указательного и среднего пальцев оставались тупыми, словно обёрнутыми в толстую замшу, а при резком сжатии в кулак запястье отзывалось сухим, тянущим покалыванием. Первое глубокое чтение гортани Морна уже взяло

свою цену. Второе в текущем двенадцатичасовом окне ещё оставалось допустимым, но после него безопасного запаса не останется.

— Эхо-пришивка — это механический контур, — негромко продолжила я, вглядываясь в очертания тел под полотном. — Замкнутая цепь с заведенной пружиной. Тот, кто вошел ее под язык, записал внутрь звуковую матрицу и соединил с речевыми мышцами. Она не мыслит. Она просто ждет триггера.

— Какого триггера? — шепотом спросила Тесса. — Голоса Кайрена?

— Утром мы полагали, что ключом служит акустический резонанс его Клятвы, — я покачала головой. — Но если фальшивка срабатывает исключительно при его личном присутствии, почему убийцы так торопились обработать Орла Санна до того, как тело обнаружат? Зачем было рисковать, оставляя в его шее незавершенный шов?

Тесса не успела ответить.

Где-то далеко наверху, над массивными сводами подземелья, в морозной ночной тишине города тяжело и гулко ударил колокол.

Первый удар.

Низкий, протяжный, свинцовый гул сотен пудов бронзы прошел сквозь толщу земли, отозвавшись мелкой дрожью стекла в керосиновой лампе и звоном металлического пинцета на лотке. Это был не набат и не церковный перезвон. Это был главный колокол судебной башни — «Седьмой страж», отбивавший смену ночного караула трибунала. Ровно полночь.

И в ту же самую секунду в тишине морга раздался звук.

Сухой, влажный, резкий щелчок — так ломается тонкий реберный хрящ под прозекторским ножом.

Тесса вздрогнула, расплескав отвар на пергаментный лист. Ее рука замерла над кружкой:

— Селена... Что это?

Я не ответила. Я уже поднялась на ноги, бесшумно отодвинув стул и доставая из кармана фартука тонкую серебряную иглу.

Звук донесся от секционного стола Дарека Морна.

Под плотным саваном началось движение. Едва заметное, слабое, но абсолютно неотвратимое: холст на уровне груди натянулся, задрожал, словно мертвец под полотном сделал глубокий, судорожный вдох.

Затем со стороны цинкового ложа Корнелия Вейна послышался точно такой же щелчок.

Оба тела шевельнулись одновременно. Синхронно. С идеальной точностью механических автоматов, соединенных невидимой металлической тягой.

— Боги милосердные... — Тесса побелела как полотно, вскакивая с места и хватаясь за тяжелый стальной нож для обрезки бумаги. — Селена, отойди от них! Они оживают! Я сорву сигнальный колокол, позову конвой!..

— Стой на месте! — шепотом, но с такой беспощадной резкостью приказала я, что помощница замерла, не сделав и шага. — Не кричи. И не прикасайся к шнуру.

— Они шевелятся! — в шепоте Тессы звенел неподдельный ужас. — Надо перерезать швы! Если мы сейчас рассечем узлы на шее, цепь разомкнется!..

— Нет! — я шагнула в полумрак зала, приближаясь к изголовью Морна. Сердце глухо колотилось о ребра, во рту пересохло, но профессиональный рассудок мгновенно отсекал панику. — Если мы разрушим пришивку сейчас, мы уничтожим доказательство! Дейн не поверит нам на слово! Я обязана зафиксировать весь цикл!

Из-под холщового покрывала Морна донесся протяжный, шипящий звук выходящего воздуха.

Челюсть покойного нотариуса с сухим стуком опустилась вниз. Ткань на лице натянулась на открывшемся рте, и под каменными сводами морга зазвучал голос.

Тот самый голос.

Гладкий. Размеренный. Пугающе монотонный, лишенный естественных интонаций и дыхательных пауз:

— Смертельное ранение нанесено королевским дознавателем Кайреном Вардом в третьем тупике у архива Казначейства при попытке изъятия секретных реестров с применением запрещенного клятвенного клинка...

В зале не было следователя. Никто не прикасался к телу. Никто не произносил установленной уложением ритуальной формулы допроса. Но мертвец говорил.

И в ту же секунду с соседнего стола, не отставая ни на долю такта, вступил труп переписчика Вейна.

Его голос звучал чуть тоньше, чуть глуше, но слова ложились в пространство в идеальный, леденящий душу унисон, фраза в фразу, звук в звук, сливаясь в механический хор:

— ...Подтверждаю для протокола Высшего суда. Смертельное ранение нанесено королевским дознавателем Кайреном Вардом...

— Они говорят сами... — Тесса прижала ладони к щекам, ее била мелкая дрожь. — Без вопроса... Без Варда в комнате...

— Время! — крикнула я, не оборачиваясь. — Тесса, на хронометр! Засекай секунды!

Помощница судорожно сглотнула, усилием воли подавила панику, метнулась к конторке и перевернула стеклянную колбу с мерным песком:

— Первый удар колокола суда! Ровно полночь! Семь секунд от первого удара колокола до начала речи!

Я подошла вплотную к секционной плите Морна.

Страх окончательно отступил, уступив место предельной концентрации эксперта. Одним резким движением я сдернула холщовый саван с головы нотариуса.

Глаза Морна оставались закрытыми — свинцовые пломбы, наложенные мной утром на веки, не сдвинулись ни на волос. Но нижняя челюсть мерно, с сухим скрипом поднималась и опускалась. Кожа на шее вокруг зашитого разреза тускло светилась: сквозь синюшные мёртвые ткани просвечивала тончайшая сеть лиловых капилляров.

Эхо-пришивка горела активным током.

Сигнал циркулировал в мёртвых нервах прямо сейчас.

Я не могла упустить этот момент. Если цикл завершится, контур погаснет, и мы снова останемся лишь с догадками.

Я сорвала митенку с левой руки. Онемевшие пальцы слушались плохо, но я заставила кисть раскрыться. В правую руку легла серебряная игла с витой проводящей нитью. Я ввела кончик иглы в наружный угол разреза, а левую ладонь прижала к боковой поверхности шеи Морна, прямо над подъязычной костью.

Второе глубокое чтение текущего двенадцатичасового окна. Ещё допустимое — и последнее безопасное.

— *Раскройся*, — выдохнула я, направляя ведьмовскую силу сквозь серебро в проводящий слой.

Мир вокруг меня взорвался звоном.

Боль на этот раз была другой. Она не принесла чужого удушья или вкуса железа. В проводнике уже шло внешнее колебание — не рождённое ни моим прикосновением, ни вопросом Кайрена. Этого было достаточно, чтобы зафиксировать главное: контур активировали извне.

Почти одновременно сквозь фундамент докатился ночной судебный колокол. Совпадение времени было слишком точным, чтобы его не записать, но причинный механизм оставался неизвестен.

В моих ушах зазвенело так, словно по черепу ударили железным молотом. Левая рука вспыхнула резкой, леденящей судорогой — нервы обожгло нестерпимой болью, пальцы сжались сами собой. Я почувствовала, как по сухожилиям плеснуло расплавленным свинцом: ука-

зательный и средний пальцы левой руки окончательно потеряли чувствительность, обратившись в два куска неподвижного дерева. Связь с нервными окончаниями оборвалась.

Но я не разомкнула контур. Я держала иглу до последнего слога.

Голос Морна дошел до конца записанной фразы:

— ...с применением запрещенного клятвенного клинка. Подтверждаю для протокола Высшего суда.

Голос Вейна на цинковом ложе оборвался в ту же самую долю секунды.

Лиловое свечение под кожей обоих тел мгновенно угасло. Челюсти захлопнулись с коротким, глухим стуком. В зале снова повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь моим тяжелым, прерывистым дыханием и мерным падением капель воды в сток — *кап, кап, кап*.

Я отшатнулась от стола, едва не упав на каменные плиты. Левая рука висела вдоль тела бессильной, онемевшей плетью.

Тесса бросилась ко мне, подхватила под локоть, не давая осесть на пол:

— Селена! Селена, дыши!

— Зафиксируй... — с трудом вытолкнула я пересохшим горлом. — Длительность цикла. Сорок две секунды. Оба тела начали и замолчали строго синхронно.

— Твои пальцы... — Тесса с ужасом посмотрела на мою левую кисть. Указательный и средний пальцы были белыми, восковыми и не слушались движений.

— Пиши протокол, Тесса, — жестко потребовала я, опираясь о край стола правой рукой. — Время — полночь. Синхронная самопроизвольная активация без допроса и без присутствия подозреваемого. Факт удаленного управления доказан физически.

В этот момент за решетчатой дверью канцелярии раздался глухой удар и звон железа.

Тяжелая железная створка содрогнулась. Послышался сдавленный окрик пристава, скрежет отодвигаемого засова — и в секционный зал широким, стремительным шагом вошел Кайрен Вард.

Следом за ним, держа руки на полувытащенных палашах, торопились двое конвойных приставов трибунала. Но они не пытались остановить дознавателя: на лицах стражников застыло то же оцепенение. Они слышали голоса сквозь стену.

Кайрен переступил порог и резко остановился.

Его темно-серое пальто было распахнуто, ворот рубахи расстегнут, дыхание сбито от быстрого бега. Но он не бросился к телам. Он замер ровно в пяти шагах от меня, опустив руки вдоль тела и сжав кулаки.

Он остановился за установленной утром границей: никакого прикосновения, никакого вмешательства в процедуру без согласия эксперта.

— Они говорили, — произнес Кайрен. Его низкий голос звучал хрипло, в серых глазах горела темная, тревожная ярость. — Я слышал их из архива. Оба тела. В один голос.

— Они говорили, — ответила я, заставляя себя стоять прямо. — Без вопросов. И без вас, дознаватель Вард.

Кайрен перевел взгляд на мою руку. Он увидел неестественно повисшую кисть, побелевшие, неподвижные пальцы и темные тени изнеможения, легшие под моими глазами.

— Вы провели глубокое чтение? — в его голосе прорезалась глухая, жесткая тревога. — Второе в одном окне? Вы использовали весь безопасный запас.

— Я должна была понять, что происходит в проводнике, — я выдержала его взгляд, не пряча онемевшую руку. Впервые за всё время нашего вынужденного союза я открыто назвала цену, которую платила за результат: — Моя кисть частично повреждена. Два пальца не чувствуют холода и не двигаются. Но теперь у нас есть проверяемый факт, который Рош не сможет списать на ведьмовские фантазии.

Кайрен сделал два медленных шага вперед, сокращая дистанцию, но остановился ровно в полутора футах, не нарушая запрета на прикосновение. Служебное превосходство исчезло из его позы:

— Что вы почувствовали в проводнике, госпожа Рей?

— Внешний отклик, — ответила я, переводя дыхание. — Он возник без вопроса и без вашего присутствия. А через несколько секунд после удара ночного колокола оба тела уже говорили. Пока это только зафиксированная корреляция.

Кайрен нахмурился, его брови сошлись на переносице:

— Главный колокол суда?.. «Седьмой страж»?

— Да. Колокол пробил полночь — и мертвецы заговорили. Это пока лишь корреляция, Вард. Мы не знаем, кто держит спусковой рычаг и почему медный контур реагирует на звук. Но мы доказали главное: ложь управляется на расстоянии. Ваше присутствие рядом с телом не является обязательным условием для активации подписи.

Я повернулась к плите Морна, чтобы натянуть холщовый саван обратно на искаженное судорогой лицо.

Глава 7

Холодное утро восьмого дня до открытия процесса началось с запаха жженого льняного семени и стынувшего воска.

Два пальца на моей левой руке — указательный и средний — так и не ожили. Они оставались чужими, неподвижными, словно выструганными из сухого репейного корня. Когда перед выходом из Палаты Тесса попыталась растереть мне кисть камфорным спиртом, я не почувствовала ни жжения, ни тепла — только глухое, тупое давление ее пальцев на глубокие ткани. Судорога, скрутившая предплечье во время ночного колокольного резонанса, отступила к локтю, оставив под кожей ощущение натянутой до предела жильной струны.

— Ты не сможешь держать скальпель, Селена, — говорила Тесса, торопливо затягивая шерстяную повязку вокруг моего запястья. Ее лицо в тусклом свете утренней масляной лампы казалось осунувшимся, под глазами залегли темные круги после бессонной ночи у секционных столов. — Если ты полезешь в новое тело или попытаешься коснуться свежей раны, нервный узел окончательно замкнет. Ты понимаешь это?

— Скальпель держать не придется, — ответила я, заставляя себя натянуть плотную кожаную перчатку поверх бинта. Пальцы вошли в узкие кожаные гнезда с трудом, без сопротивления, как неживые палочки. — Сегодня мы работаем не с мертвой плотью. Сегодня мы работаем с бумагами и стеклом.

— Это не легче, — Тесса сердито дернула узел повязки. — Ты видела, что произошло в полночь. Они заставили Морна и Вейна говорить без всякого допроса. Мертвецы откликнулись на колокол, Селена! Если эта дрянь активируется по расписанию городской башни, то кто сказал, что нас не ждут там, куда вы сейчас идете?

— Никто не сказал. Но если мы не установим, откуда взялась кровь для пришивки, через восемь дней нам не с чем будет войти в зал трибунала. Опечатай покойников еще раз, Тесса. Никого не впускай, даже если Валлен притащит личную записку юстициара. Только ордер Дейна.

Тесса молча кивнула, сжав губы. Объяснять ей, что стояло на кону, не пришлось.

В восемь утра к воротам Палаты подали тяжелую судебную карету.

За ночь мороз лишь окреп. Ветер стих, оставив над столицей неподвижное, белесое, словно застывшее олово небо. Улицы Верхнего города казались вымершими: редкие прохожие спешили мимо серых каменных фасадов, укутавшись в лисьи и волчьи воротники до самых бровей, а стражники на перекрестках стояли неподвижно, постукивая древками алебард о мерзлые гранитные плиты.

Кайрен ждал меня в экипаже под надзором двух конных приставов Дейна.

На нем было то же темно-серое суконное пальто с серебряными пряжками, застегнутое под самое горло. Серебряные браслеты судебного маяка на его запястьях были скрыты плотными перчатками, но я знала, что они там: при каждом движении экипажа рунический контур слабо вибрировал, напоминая о десятидневном поводе трибунала.

Когда карета тронулась, Кайрен окинул меня быстрым, внимательным взглядом. Его серые глаза мгновенно зафиксировали неестественное положение моей левой руки, покоившейся на коленях.

— Повязка, — произнес он. Это был не вопрос. В его низком, сдержанном голосе звучала сухая констатация факта. — Чувствительность не вернулась?

— Два пальца, — ответила я, глядя прямо перед собой на узкое окошко каретной дверцы. — Парез периферических сплетений. Для работы с документами хватит правой руки.

— Не хватит, госпожа Рей, если вам придется брать пробы, — Кайрен подался чуть вперед, опершись предплечьями о колени. Его лицо было бледным после ночных часов, проведен-

ных за архивными реестрами, но в осанке читалась та же жесткая, хищная собранность. — Мы едем в Центральный репозиторий. Ивен Солл не станет делать скидок на вашу усталость или боль. Он фанатик регламента. Если он увидит, что эксперт не способен твердо держать иглу, он закроет перед нами шкафы и потребует официального медицинского освидетельствования. А это потеря двух суток.

— Я удержу иглу, — отрезала я. — Но прежде чем мы переступим порог хранилища, дознаватель Вард, мы зафиксируем правило.

Кайрен чуть приподнял бровь:

— Слушаю.

— Вы видели, какую цену платит тело за перегрузку, — я подняла левую руку в кожаной перчатке, показывая неподвижные пальцы. — Третьего глубокого чтения в одном двенадцатичасовом окне я не перенесу. Если мы обнаружим образцы, я ограничусь исключительно поверхностным анализом проводящей пленки. Никакого погружения в резонансную память крови. Никаких попыток пробить барьер силой. И если у меня начнется тремор кисти — мы останавливаем процедуру немедленно. Без споров, без попыток дожать результат и без давления с вашей стороны.

Кайрен смотрел на меня долго — так долго, что под его тяжелым, пронизательным взглядом мне захотелось отвести глаза. Но я не отвела. Я держала дистанцию так же твердо, как держала лезвие скальпеля.

— Согласен, — наконец произнес он. — Никакого глубокого чтения. Но и у меня есть встречное условие, госпожа Рей.

— Какое?

— Если тремор начнется, вы признаете это вслух, а не станете терпеть ради гордости эксперта, — его голос стал жестче. — Вы привыкли работать с мёртвыми, которые не могут возразить. Но здесь вы рискуете живыми нервами. Если вы потеряете руку, расследование закончится сегодня же. Я не позволю вам сжечь себя ради того, чтобы доказать собственную нестигаемость перед Советом.

Слова обожгли меня неожиданной, грубой прямоотой. В них не было галантности или показной жалости — в них была железная прагматика человека, который сам годами расплачивался телом за ошибки и слишком хорошо знал цену переоценки собственных сил.

— Договорились, — сухо бросила я. — Если начнется тремор — процедура прекращается.

Карета свернула под массивную базальтовую арку западного крыла Королевского дворца юстиции и со скрипом затормозила перед глухими чугунными воротами, за которыми начинался спуск в нижние хранилища.

Здесь, на глубине трех ярусов под фундаментами Судебной башни, не было ни окон, ни сквозняков.

Воздух в коридорах Репозитория был абсолютно сухим, вымороженным и пах резким, кисловатым духом спирта, толченой канифоли и старого сургуча. Стены коридора были выложены массивными плитами черного полированного базальта, поглощавшего звук шагов. Через каждые двадцать шагов в нишах горели защищенные стеклянными колпаками масляные лампы, дававшие ровный, мертвенный зеленоватый свет.

Нас встретил караул из трех гвардейцев в глухих кольчугах без знаков отличия. Приставы Дейна предъявили судебный мандат, пергамент изучили с лупой, сверили печати по инвентарной таблице и лишь затем отодвинули тяжелый бронзовый засов двустворчатой двери с гравировкой перекрещенных весов и чаши.

За дверью открылся круглый зал, по периметру которого до самого сводчатого потолка поднимались ряды узких ячеек из литейного чугуна.

В центре зала за массивным свинцовым столом сидел человек.

Ивен Солл.

Магистру Центрального репозитория был шестьдесят один год. Высокий, сухощавый старик с абсолютно белыми, гладко зачесанными назад волосами и строгим, пергаментно-желтым лицом, изрезанным глубокими вертикальными морщинами. На нем был наглухо застегнутый темно-синий судейский сюртук из плотного кашемира с серебряными пуговицами. На шее магистра, прямо над крахмальным воротником сорочки, темнел тонкий, шириной в волос, ритуальный шрам — клеймо обряда нерушимого безмолвия, наложенное Высшим судом при вступлении в должность.

Солл ведал клятвенной кровью тридцать лет. Он пережил двух королей, три мятежа и четыре смены состава трибунала, оставаясь живым замком коронного архива.

Когда мы вошли, магистр не поднял головы от толстого фолианта в кожаном переплете. Его длинные, сухие пальцы с идеально подстриженными ногтями методично вели учетную строку гусиным пером.

— Дознаватель Вард, — голос Солла прозвучал негромко, сухо и бесстрастно, словно шелест сухого листа по граниту. — Эксперт Рей. Срок действия судебного мандата председателя Дейна — ровно один час. Прошу соблюдать дистанцию до барьера.

Кайрен остановился в трех шагах от свинцового стола. Я встала рядом, чувствуя, как под кожей перчатки пульсирует немая боль в пальцах.

— Магистр Солл, — произнес Кайрен, чуть склонив голову. В его тоне звучало неподдельное уважение младшего по чину к создателю системы. — Мы прибыли по делу о посмертной модификации тел нотариуса Морна и архивиста Вейна.

Перо магистра замерло над строкой. Солл отложил его на бронзовую подставку, закрыл чернильницу и лишь затем поднял на нас глаза.

Его взгляд был удивительно ясным, пронзительным и совершенно холодным. Глаза цвета разбавленной туши не выражали ни удивления, ни страха перед опальным следователем:

— Я читал утреннюю судебную депешу. В телах обнаружена подпись Клятвы Отзвука. Вы утверждаете, дознаватель, что резонанс был снят без вашего ведома.

— Мы утверждаем, что в раны была введена кровь с моей клятвенной меткой, — поправил Кайрен. — И мы требуем провести сверку образцов в моем личном депозитарном боксе.

Ивен Солл перевел взгляд на меня. Его глаза задержались на моей перебинтованной левой руке, затем скользнули к лицу:

— Госпожа Рей выступает сертифицирующим экспертом?

— Назначена чрезвычайным судебным постановлением, — я шагнула к барьеру, доставая правой рукой мандат с подписью Дейна и выкладывая его на свинцовую плиту. — Право проведения сравнительного материального анализа без права изъятия оригиналов за пределы Репозитория.

Солл надел очки в тонкой золотой оправе, проверил оттиск судебной печати, провел кончиком пальца по подписи председателя и сухо кивнул:

— Процедура допустима. Пройдемте к секции «В».

Магистр поднялся из-за стола. Он двигался плавно, размеренно, без старческой суеты. Достал из внутреннего кармана сюртука тяжелый плоский ключ из белой бронзы, подошел к ряду чугунных шкафов у северной стены и набрал на дисковом замке трехзначный буквенный код.

Раздался глухой щелчок внутренних пружин.

Дверца шкафа с номером сорок два отворилась с тяжелым шелестом смазанных петель.

Внутри открылись глубокие свинцовые пеналы, проложенные войлоком. В каждом пенале в вертикальных гнездах стояли толстостенные стеклянные ампулы, запаянные с обоих концов и залитые сверху темно-зеленым консервирующим сургучом Репозитория. Внутри ампул находилась темная, почти черная жидкость — клятвенная кровь следователей Короны,

законсервированная алхимическими солями на случай посмертной идентификации или проверки чистоты клятвы.

Солл выдвинул пенал с личным индексом Варда: *«В-09. Кайрен Вард. Старший дознаватель Палаты дознания. Обет принесен шесть лет назад»*.

В пенале было три гнезда.

В первом гнезде стояла стеклянная ампула с нетронутой сургучной печатью магистра. Жидкость внутри сохраняла ровный гранатовый оттенок.

В третьем гнезде стояла точно такая же ампула с целой пломбой.

А второе гнездо — центральное — было абсолютно пустым.

На дне свинцовой выемки темнел лишь круглый след от доньшка пробирки да крошечный скол зеленого сургуча, упавший на бархатную подложку.

В хранилище никто не шевельнулся.

Кайрен замер. Его челюсти сжались так, что на виске вздулась синяя жилка. Он не произнес ни звука, но я физически ощутила, как вокруг него поднялась тяжелая, яростная волна сдерживаемой силы.

— Образца нет, — сказала я. — Магистр Солл. Где вторая ампула?

Ивен Солл стоял неподвижно, глядя на пустую ячейку сквозь стекла очков. На его желтоватом лице не дрогнул ни один мускул, но пальцы, державшие бронзовый ключ, сжались чуть крепче обычного:

— Образец номер два был выдан ранее по служебному запросу.

— На каком основании? — потребовала я. — Клятвенная кровь дознавателя является неприкосновенным государственным залогом. Она может быть вскрыта только при расследовании государственной измены или после смерти носителя!

— Образец не был вскрыт для следствия, госпожа эксперт, — бесстрастно ответил Солл, поворачиваясь к столу. — Он был затребован на плановую процедуру. Прошу подойти к регистрационному журналу.

Мы подошли к массивному свинцовому столу. Магистр перевернул тяжелые пергаментные страницы фолианта, нашел нужную учетную статью и прижал страницу сухим пальцем:

«Бокс В-09, ампула № 2. Выдана по служебному запросу канцелярии первого юстициара для проведения обязательной периодической проверки стабильности клятвенного контура. Установленный срок возврата истёк. В журнал внесена отметка о продлении регламентных испытаний».

Под записью стоял четкий треугольный оттиск синей мастики.

Я наклонилась над пергаментом, вглядываясь в буквы через увеличительное стекло, которое достала из кармана правой рукой:

— Здесь стоит код: *«К-1-Ю»*. Канцелярия первого юстициара. Но чья подпись приняла ампулу?

Солл медленно опустил веки:

— В графе расписки стоит учетный номер исполнительного секретаря канцелярии. Номер сорок четыре.

— Валлен, — произнес Кайрен за моей спиной.

— Возможно, Валлен. Возможно, дежурный курьер протокольной службы, — ровным тоном заметил Солл. — Служебный код канцелярии юстициара дает право любому аккредитованному секретарю первого ранга забирать материалы для внутренней проверки. Личная подпись Эрвана Роша для планового отбора проб не требуется. Достаточно служебной печати ведомства.

Я выпрямилась, чувствуя, как холодная, расчетливая мысль раскладывает факт по полочкам судебной логики:

— Значит, эта запись не доказывает личный приказ Роша.

— Абсолютно не доказывает, госпожа Рей, — подтвердил Солл, глядя мне прямо в глаза. — Служебный код канцелярии используется для сотен рутинных перемещений в месяц. Запрос мог составить старший секретарь. Мог подписать помощник по общим вопросам. Распоряжение могло быть делегировано любому чиновнику третьего ранга в рамках подготовки к процессу по мятежу. С юридической точки зрения это не улика против первого юстициара. Это ведомственный документ о штатном техническом движении материала.

— Но ампулу не вернули в установленный срок, — Кайрен шагнул ближе к столу. — Ивен. Почему в журнале появилось продление испытаний?

Тонкая шея магистра напряглась. Темный шрам под его воротником на мгновение потемнел, налившись тусклым свинцовым цветом.

Заклятие безмолвия на его горле среагировало на прямой допрос: Солл не имел права свидетельствовать против решений высшего руководства юстиции по собственной инициативе. Его губы сжались в узкую белую линию, дыхание стало поверхностным. Он физически не мог произнести слова обвинения в адрес канцелярии, не разорвав собственные связки ритуальной болью.

Я поняла его состояние мгновенно.

— Назад, Вард, — я тронула Кайрена за рукав правой рукой, напоминая о границах. — Не давите на него. Он связан клятвой.

Кайрен замер, медленно перевел дыхание и отступил на шаг. Багровый отблеск на его собственном запястье так и не успел проснуться.

Я повернулась к зрителю:

— Магистр Солл. Мне необходимо сравнить остаточную подпись в оставшихся ампулах бокса с образцом следа, изъятым из шеи нотариуса Морна. Мы имеем на это законное право по мандату Дейна?

— Имеете, — Солл заметно расслабился, когда давление Кайрена исчезло. Шрам на его шее посветлел. — Но вскрывать целые ампулы запрещено. Вы можете провести дистанционное сопоставление через стекло, зафиксировав темп угасания эманаций.

— Этого достаточно.

Я достала из саквояжа тонкую стеклянную пластину, на которой был запечатан срез тканей с медной нитью Морна. Достала серебряную иглу на костяной рукояти.

Пальцы левой руки не двигались. Мне пришлось зажать пластину между локтем и бедром, чтобы свободной правой рукой подвести инструмент. Правая рука предательски дрогнула от напряжения.

Кайрен шагнул ко мне:

— Госпожа Рей. Правило остановки.

— Я помню, — сквозь зубы бросила я. — Рука не дрожит от усталости. Ей просто неудобно.

Я сделала глубокий, размеренный вдох, успокаивая пульс. Оперлась правым предплечьем о свинцовый край стола, исключая любую случайную вибрацию мышц.

Никакого глубокого погружения. Только поверхностный контакт на границе сред.

Я опустила кончик серебряной иглы на сургучную пломбу первой ампулы Варда, лежавшей в пенале. Другой конец серебряного проводника соединила со стеклом среза Морна.

Ведьмовская искра внутри меня отозвалась коротким, холодным уколом в висок.

Я не стала открывать проводящие пути. Я лишь пустила ничтожный, поверхностный ток чувствительности вдоль серебряной нити — ровно столько, сколько требовалось, чтобы услышать тон металлической струны.

И тон отозвался.

Кровь в ампуле номер один за стеклом задрожала едва заметным багровым свечением. И точно такой же, чистый, идентичный до единого полутона резонанс вспыхнул в засохшей капле на срезе гортани Морна!

Частота совпадала абсолютно.

Это была не просто похожая магия дознавателя. Это была одна и та же кровь. Кровь из одной жилы, запечатанная шесть лет назад в этом самом подвале.

Тот, кто пришил голосовую матрицу Дареку Морну и Корнелию Вейну, держал в руках именно вторую, пропавшую ампулу из бокса «В-09».

Внезапно в правой кисти дернулся нерв.

Пальцы мелко, противно задрожали, игла соскользнула с сургуча, царапнув стекло. Левое предплечье прострелило острой ледяной иглой до самого плечевого сустава.

Кайрен среагировал мгновенно, но ко мне не прикоснулся. Рукой в перчатке он отодвинул со стола свободный конец серебряного проводника, разрывая контакт:

— Всё. Остановитесь.

Я не стала спорить. Дыхание сбилось, лоб покрылся липкой испариной. Боль в левой руке предупреждала: барьер истончился до предела. Еще секунда упрямства — и отказ нерва пошел бы выше, к локтю.

— Совпадение полное, — выдохнула я, опуская инструменты на лоток. Кайрен отступил на шаг. — Кровь в телах принадлежит ампуле номер два. Материальный источник подписи установлен.

Ивен Солл молча наблюдал за нами. В его тусклых глазах за стеклами очков промелькнуло нечто, похожее на глубокую, затаенную горечь:

— Значит, добровольная жертва была осквернена.

— Да, магистр, — подтвердил Кайрен. — Мою клятву превратили в отмычку для фабрики показаний.

Я достала чистый бланк судебного акта:

— Магистр Солл. Я требую выдать мне официальную заверенную выписку из регистрационного журнала. Точную копию статьи о выдаче образца номер два с указанием служебного кода канцелярии, даты и номера бокса. С вашей личной подписью и гербовой печатью Репозитория.

Солл не колебался ни секунды. Выдача заверенных выписок входила в его прямые обязанности при предъявлении судебного мандата.

Старик взял лист плотной казенной бумаги с водяными знаками трибунала, обмакнул перо и ровным, каллиграфическим почерком переписал всю учетную статью слова в слово. Затем приложил массивную латунную печать к горячему сургучу, прижал ее к пергаменту и расписался замысловатым росчерком:

— Заверенная выписка регистрационного журнала клятвенной крови номер восемьсот двенадцать. Документ имеет статус вещественного доказательства Высшего суда.

Он передал мне еще теплый пергамент. Я аккуратно свернула его и спрятала во внутренний карман плаща, рядом с сердцем.

Первый материальный документ был в наших руках. Не предположения, не ведьмовские догадки — официальная государственная бумага, доказывавшая, что подпись Варда не была плодом его ночной измены. Один из штатных образцов отсутствовал, а его выдача была проведена по служебному коду высшей судебной инстанции.

Но цепь оставалась незамкнутой.

— Магистр, — я посмотрела старику прямо в глаза. — Кто физически унес колбу? Кому передал ее секретарь номер сорок четыре? Где она находилась после выдачи?

Шрам на шее Солла снова потемнел. Старик судорожно сглотнул, его пальцы судорожно вцепились в край свинцового стола. Клятва безмолвия душила его: говорить о закрытых слу-

жебных маршрутах канцелярии юстициара ему было запрещено под страхом мучительной смерти.

Он выпрямился, поправил манжеты кашемирового сюртука и посмотрел на меня так, будто искал спасительную тропу над пропастью.

— Я не имею права отвечать на вопросы о лицах, госпожа эксперт, — его голос звучал сипло, с явным физическим усилием, каждое слово давалось ему с трудом. — Устав Репозитория карает за разглашение имен исполнителей. Но устав не запрещает хранителю разъяснять законные основания ведомственного права.

Солл сделал паузу, глубоко втянув морозный воздух подземелья, и произнес слова, которые упали в тишину зала с отчетливостью судебного вердикта:

— Вы ищете того, кто унес стекло. Вы ищете руку курьера. Но в канцелярии юстиции руки меняются каждый день. Если вы действительно хотите сломать эту цепь перед председателем Дейном... задайте Высшему суду правильный вопрос.

Кайрен подался вперед:

— Какой вопрос, Ивен?

Старик поднял руку и указал сухим костлявым пальцем на треугольный штамп в журнале:

— Спросите трибунал: *кто имел законное право изменить целевое назначение изъятого образца?*

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина.

Слова Солла эхом отозвались в моей голове, открывая скрытую юридическую брешь.

По закону королевства кровь дознавателя, взятая на рутинную техническую проверку, обязана была оставаться в пределах лабораторного корпуса юстиции. Чтобы вынести ее за пределы здания, чтобы использовать ее для внешних магических манипуляций, требовался не просто приказ секретаря.

Требовался официальный распорядительный акт об изменении целевого назначения государственного залога.

Кто именно имел право менять назначение такого образца, из этой записи не следовало. Это и был следующий законный вопрос — не имя виновного, а граница полномочий.

— Кто имел право изменить назначение... — тихо повторила я, сжимая в кармане заверенную выписку.

— Именно, госпожа Рей, — Солл опустил руку и закрыл свинцовый шкаф бокса «В-09». Щелкнул замок. — Ищите не того, кто держал пробирку. Ищите того, чья подпись позволила вынести ее в город. А теперь — покиньте Репозиторий. Ваше процессуальное время истекло.

Магистр развернулся и сел за стол, снова взяв в пальцы гусиное перо. Он больше не взглянул в нашу сторону, превратившись в прежнюю каменную статую коронного архивариуса.

Мы вышли из зала под конвоем гвардейцев.

Когда тяжелые чугунные двери нижнего яруса закрылись за нашими спинами, а карета выехала из-под базальтовой арки на морозную площадь Верхнего замка, Кайрен повернулся ко мне.

На его лице сквозь привычную суровость пробивалось мрачное, холодное пламя:

— Вы поняли, что он сделал, Селена?

— Он обошёл заклятие молчания, — ответила я, глядя в окно на серые шпили трибунала. — Не назвал человека и не достроил цепь. Он указал на вопрос, который суд обязан поставить законно: кто имел право изменить назначение образца. Пока ответа нет.

— И этот документ зарегистрирован в журналах исходящей корреспонденции канцелярии, — Кайрен сжал кулак. — Но добраться до него в открытую Рош нам не позволит.

Я прижала правую руку к груди, чувствуя сквозь шерсть плаща твердый валик пергамента с печатью хранителя:

— У нас есть материальный след, Кайрен. Амбула номер два отсутствует, её выдача зарегистрирована, а подпись на пришивке совпадает с вашим эталонным контуром. Кто получил образец и как именно его использовали, мы всё ещё не знаем.

Впереди был долгий путь сквозь паутину королевских архивов, но под нашими ногами впервые появилась твердая земля.

Глава 8

Моя левая рука оставалась мертвой. Два пальца — указательный и средний — не чувствовали шершавого сукна плаща, в складках которого я прятала кисть. Стоило мне шевельнуть плечом, как от локтя к ключице прокатывалась тупая, натянутая судорога — тело не забыло ночной колокольный звон и второе глубокое чтение, забравшее остаток сил. Любая попытка пустить дар глубже поверхностного касания сейчас закончилась бы тем, что нервные сплетения перегорели бы окончательно. Я знала этот предел и утром проговорила его Кайрену. Теперь он ни словом не напомнил об уговоре.

Он сидел по другую сторону тяжелого дубового стола в допросной камере нижнего яруса. Расстегнутое темно-серое пальто падало прямыми складками, обнажая черный камзол без служебных петлиц. На его правом запястье тускло белела серебряная пластина судебного маяка, наложенная Дейном, но Кайрен держал руку неподвижно, опершись предплечьем о край полированного дерева. Его лицо, осунувшееся от бессонницы, казалось высеченным из серого известняка: ни единого лишнего движения, ни тени суеты, только холодная, выжидающая собранность человека, привыкшего по звуку шагов определять породу конвоя.

Между нами, на шатком табурете, привинченном к каменным плитам пола, сидел третий человек.

Звали его Элиас Бран. Младший курьер экспедиции Высшего суда — тот самый чиновник, чей служебный номер «сорок четыре» стоял в журнале выдачи рядом с кодом канцелярии первого юстициара.

Он не был похож на заговорщика или хладнокровного убийцу. Невысокий, узкоплечий мужчина лет тридцати пяти, в потертом суконном сюртуке с засаленными обшлагами и обломанными пуговицами. На его пальцах вьелись несмываемые чернильные разводы, воротник сорочки был влажным от липкого пота, а подбородок мелко, непрерывно вздрагивал. Когда два часа назад приставы Дейна вывели его из дежурной комнаты канцелярии и препроводили сюда под конвоем, Бран не кричал. Он просто забился в угол, прижимая к груди пустую кожаную сумку для раздачи бумаг, и до сих пор смотрел в пол, боясь поднять глаза на Кайрена.

— Я ничего не знаю, господа, — в четвертый раз повторил курьер. Голос его дребезжал, срываясь на сиплый полусшепот. — Мне спустили предписание из протокольного отдела. С реестровым штампом канцелярии. Сказали: спуститься в Репозиторий к магистру Соллу, принять опечатанный футляр номер два и доставить на третий ярус, в распределительную экспедицию. Я расписался в книге. Я отнес. Сдал под расписку дежурному писарю.

— Имя писаря? — коротко спросил Кайрен.

Бран судорожно сглотнул, его кадык дернулся:

— Там... там двое сидели. В сумерках было, лампы коптели. Я положил на стойку, мне мастичный штамп на квитанцию шлепнули, и я ушел на вечернюю раздачу повесток. Я же младший курьер, господин дознаватель. Если бы я в каждый футляр нос совал, меня бы в первый же месяц со службы выставили без выходного пособия.

Кайрен чуть подался вперед. Под сукном рукава напряглись сухожилия; он уже вдохнул для следующего вопроса.

— Стойте, Вард, — спокойно произнесла я, поднимая правую руку.

Кайрен замер и повернул ко мне лицо. Челюсть напряглась, но он промолчал. Договор оставался договором: в этом подвале правила устанавливала я.

— Если ваш вопрос усилит его страх до настоящей боли, Клятва вернёт вам цену этой боли, — я говорила ровно, глядя прямо в зрачки Кайрена. — Поэтому никакого давления. Нам нужен вопрос, который сам по себе не причинит и не усилит боль. Только тогда чужой отклик, если он появится, можно будет отделить от действия вашей Клятвы.

Бран испуганно перевел взгляд с меня на Кайрена, вжимая голову в плечи. По его реакции было похоже, что о Клятве Отзвука он слышал и боялся ее сильнее, чем ножей палача.

— Ваши предложения, госпожа Рей? — в голосе Кайрена звучал сухой, металлический холод.

— Контрольный эксперимент с нулевой точкой.

У дальней стены, за пределами светового круга, шевельнулась темная фигура. Магистр Ивен Солл стоял у шкафов с запасными журналами, заложив руки за спину. Его высокое, сухощавое тело в темном судейском сюртуке казалось частью каменной кладки. Он наблюдал за нами молча, сквозь стекла очков в золотой оправе, не вмешиваясь и не делая попыток приблизиться. Тонкий белый шрам на его шее — печать молчания — едва заметно белел над строгим воротником. Солл оставался у стены, пока мы определяли форму процедуры: его служебная клятва запрещала инициативу, но свято обязывала фиксировать регламентные опыты.

Я достала из рабочего чемодана полоску полированного сланца и две короткие серебряные иглы, соединенные витым проводником.

— Мы не будем спрашивать его, кто забрал кровь, — сказала я, обращаясь к Кайрену. — И не будем спрашивать, кому предназначался футляр. Мы сформулируем вопрос так, чтобы он не требовал признания вины, не нес угрозы наказания и касался исключительно механического, нейтрального действия. Действия, которое не способно причинить человеку боль.

— Зачем? — прищурился Кайрен.

— Чтобы получить чистый ноль. Если курьер говорит правду и был лишь слепым переносчиком, в его теле нет связи с пришивкой. Ваш вопрос не должен причинить ему боли, поэтому Клятва не должна получить болевого отклика, и приборы зафиксируют покой. Но если в цепи между его распиской и похищенным образцом присутствует живой проводящий канал — нейтральный вопрос проявит аномалию.

Кайрен помолчал несколько секунд, глядя на лежащие на столе серебряные иглы. Затем коротко кивнул:

— Какова формулировка?

Я повернулась к Брану. Курьер сидел ни жив ни мертв, вцепившись пальцами в колени.

— Господин Бран, — произнесла я предельно мягко, исключая из голоса любую судейскую жесткость. — Вспомните тот служебный подъём по этой лестнице, о котором вы уже сообщили. В какой руке вы несли деревянный футляр? Только это. В правой или в левой?

Курьер моргнул. На его лице отразилось искреннее, почти глупое изумление. Плечи, до этого поднятые почти к ушам, понемногу опустились: вместо обвинения в государственной измене его спрашивали о руке.

— В... в правой, госпожа эксперт, — пробормотал он, неуверенно разжимая пальцы. — В левой у меня папка с накладными была, а футляр тяжелый, со свинцовой пломбой, я его под мышку взял... правой придерживал.

— Хорошо, — я положила сланцевую пластину на середину стола. — Теперь этот же вопрос повторит дознаватель Вард. С официальным намерением зафиксировать факт для судебного протокола. Вы ответите ровно то же самое.

Я подвела одну серебряную иглу к основанию шеи курьера, слегка прижав острие к коже над сонной артерией — ровно настолько, чтобы ведьмовское чутье могло считывать поверхностный ток тканей. Вторую иглу я положила на край сланца.

— Дознаватель Вард, положите запястье на пластину. Никакого глубокого контакта. Только контроль поверхностной проводимости.

Кайрен растянул пуговицу на рукаве, сдвинул ткань и опустил край ладони на сланец рядом с серебряным наконечником. Черная смоляная вязь Клятвы Отзвука темнела на его бледной коже неподвижными, застывшими линиями.

— Я начинаю отсчет, — произнесла я, удерживая инструмент правой рукой. Левая неподвижно лежала на коленях, напоминая о цене любого неосторожного шага. — Вопрос, дознаватель.

Кайрен посмотрел на Брана. Его лицо не выражало угрозы — он строго следовал рамкам моего эксперимента, произнося слова сухо, с казенной монотонностью протокольной фиксации:

— Элиас Бран. В какой руке вы несли футляр при выходе из Репозитория?

Вопрос прозвучал ровно. В нем не было обвинения, не было яда, не было ничего, что могло бы ранить человека или вынудить его защищаться.

Курьер сделал вдох. Я видела каждое движение его тела: его плечи слегка опустились, грудь расширилась, губы разомкнулись, чтобы повторить уже сказанное слово «в правой». В его глазах не мелькнуло паники; он уже косился в сторону двери, словно хотел поскорее закончить процедуру.

И в эту самую долю секунды, прежде чем звук успел сорваться с его языка, в комнате что-то произошло.

Не было заклятия. Не было вспышки света или колдовского шепота.

Но под моей серебряной иглой кожа курьера внезапно дернулась. Не от страха — от резкого, локального физического удара изнутри. На правом запястье Брана — там, где из-под манжеты выглядывала тонкая полоска кожи, — ткань сюртука задымилась!

Курьер издал короткий, захлебывающийся крик боли.

Его пальцы судорожно скрючились, глаза полезли из орбит, тело выгнуло дугой. Прямо на его коже, из ниоткуда, вспух белый, сочащийся пузырь глубокого термического ожога — словно к руке прижали кусок раскаленного докрасна кровельного железа!

Но вопрос не мог причинить ожога! Вопрос был пуст!

И в ту же тысячную долю мгновения, когда курьер закричал, Клятва Кайрена сработала. Кайрен содрогнулся.

Его отбросило назад, в спинку стула. Из его горла вырвался глухой, сдавленный рык, зубы лязгнули. Черная ритуальная вязь на его руке мгновенно налилась багровым, ядовитым жаром, вспухла валиками, и прямо поверх старого рисунка плоть начала лопаться!

Огонь чужой боли, пойманный его Клятвой, вырвался наружу. На внутренней стороне его предплечья зашипела кровь.

— Разорвать контур! — крикнула я, сдергивая серебряную иглу с шеи курьера.

Сланец на столе треснул с сухим звуком. Контакт распался.

Курьер рухнул грудью на стол, судорожно всхлипывая и баюкая обожженную руку у живота. Он смотрел на нас ошалело и скулил, размазывая слезы по грязным щекам:

— Жжет... Боги, как жжет... За что?! Я же сказал правду!..

Я метнулась к Кайрену.

Боль между нами не перетекала — мое собственное тело оставалось холодным, отделенным сланцевым барьером и собственной ведьмовской изоляцией. Но вид его раны заставил меня затаить дыхание.

Кайрен сидел, вцепившись пальцами левой руки в край столешницы так, что полированное дерево затрещало. По его вискам катился градом пот, дыхание было частым, рваным, сквозь стиснутые челюсти вырывался свист. Но он остался сидеть прямо, не согнувшись.

На его правом предплечье темнел свежий, кровоточащий ожог.

Это не было бесформенным пятном. Ожог лег поверх черных линий Клятвы в виде обрубленного, незавершенного геометрического рисунка: две ломаные линии, сходящиеся под острым углом, и поперечная зубчатая насечка. Половинчатый, рваный контур. Без имени, без букв, без цифр.

— Тихо. Не двигайтесь, — я достала из саквояжа флакон с вытяжкой ледникового мха и капнула на рану.

Жидкость зашипела, сбивая жар. Кайрен лишь глубже втянул воздух, не шелохнувшись.

— Это был... не мой вопрос, — выдавил он хрипло. — Мой вопрос не нес боли.

— Я знаю, — ответила я, затягивая чистый бинт на его обожжённой руке. — Сам вопрос не мог причинить Брану этой боли. Но едва она возникла, чужой импульс каким-то образом вошёл в уже открытый вопросом клятвенный контур. Клятва поймала его как часть собственной причинной цепи. Как именно это сделали, мы пока не знаем.

Я резко обернулась к дальней стене:

— Магистр Солл!

Ивен Солл вышел на середину комнаты. На его лице не было растерянности — там застыла суровая, каменная сосредоточенность ученого, увидевшего подтверждение худшей из теорий. Он подошел к столу, посмотрел на плачущего курьера, затем опустил взгляд на перевязанное запястье Кайрена.

Тонкий шрам на шее магистра натянулся, потемнев до свинцового цвета. Клятва молчания уже сдавливала его трахею, предупреждая об опасности любого неосторожного слова.

— Вы видели это, Солл, — произнесла я, вставая между ним и столом. — Назовите то, что произошло. Как эксперт эксперту. Без имен. В рамках чистого технического уложения.

Солл замер. Его длинные пальцы сомкнулись в замок на животе. Он заговорил медленно, тщательно подбирая каждое слово, словно ступал босыми ногами по битому стеклу. Голос его звучал глухо, неестественно ровно:

— Произошло перенаправление причинного контура. Вторичный отклик, возникший в теле свидетеля вне связи с содержанием вопроса.

— Откуда он взялся? — потребовал Кайрен, поднимая тяжелый взгляд.

Шрам на шее Солла слабо пульсировал. Магистр сделал короткий вдох, обходя запрет узкой тропой процессуального толкования:

— Согласно шестому параграфу устава клятвенных испытаний, перенаправить живой отклик чужой Клятвы способна только корневая мастер-контрпечать. Никакое иное плетение не имеет власти над кровью дознавателя.

— Значит, тот, кто держит эту печать, подключен к цепи? — спросила я.

— Корневая печать едина, — ответил Солл, глядя в стену поверх наших голов. Каждое предложение давалось ему с видимым мышечным усилием. — Она не может действовать без живого носителя. Но тот знак, что проявился на руке дознавателя Варда... — старик указал подбородком на окровавленный бинт, — не является корневой печатью.

— А чем он является? — нахмурился Кайрен.

— Частичным ретрансляционным рисунком. Промежуточной меткой связи.

Солл сделал паузу, его дыхание стало прерывистым, но он продолжал говорить в границах дозволенного:

— Правило второе: частичный знак показывает лишь класс проводимости контура. Он удостоверяет, что импульс прошел через сеть, но по нему невозможно установить личность оператора. В этом знаке нет индивидуальных маркеров. По нему трибунал не имеет права обвинить ни одного конкретного человека в королевстве.

— А где содержится индивидуальный маркер? — я шагнула ближе к зрителю.

Солл опустил взгляд на меня. В глубине его выцветших серых глаз блеснуло нечто, похожее на глухую боль:

— Правило третье: полный личный регистрационный рисунок и личный серийный номер владельца корневой печати закреплены в его собственной живой плоти. Они скрыты. Они латентны. И проявиться они могут исключительно при полном обратном отклике всей системы.

— Как его вызвать? — глухо спросил Кайрен.

Шрам на шее Солла вспух багровым рубцом. Магистр судорожно кашлянул, прижав ладонь к горлу: заклятие не позволяло ему давать инструкции для атаки. Он отступил на полшага, отрицательно качая головой:

— Я не имею права обсуждать применение силы. Но общее правило... общее правило обратного отклика не является государственной тайной. Оно зафиксировано.

— Где? — настаивала я.

— В официальном Техническом протоколе Клятвы Отзвука, составленном шесть лет назад. Он существует под двойной судебной печатью и описывает общее правило возврата волны. Личного имени владельца в доступной технической части нет.

Солл замолчал. Он тяжело дышал, пальцы его мелко подрагивали, но лицо снова превратилось в непроницаемую маску. Он сказал всё, что мог сказать живой человек под смертным обетом, не переступив черту, за которой наступало удушье.

В камере повисла гулкая, свинцовая тишина.

Курьер на стуле всхлипывал, боясь пошевелиться. Он переводил взгляд с Солла на нас, не задавая вопросов. Его обожженное запястье оставалось материальным фактом: через него, как через медную проволоку, кто-то неизвестный сбросил лишнее напряжение, едва Кайрен произнес слово.

Я подошла к Кайрену.

Он поднял руку, рассматривая повязку. Сквозь полотно бинта проступало темное пятно сукровицы, повторяя контур двух сходящихся линий.

Мы не знали, кому принадлежит этот контур. Мы не знали имени. Мы не могли прийти к председателю Дейну и обвинить конкретного человека: неполный след не нёс серийного номера. Он показывал лишь класс магической цепи — недостаточный для персонального обвинения.

Но мы знали другое.

Машина не была мёртвым механизмом, оставленным без присмотра в темных архивах. За ней стоял живой контроллер. Человек, обладавший корневой мастер-печатью, способный перенаправлять чужую боль и замыкать контуры на расстоянии.

Мы знали только одно: у корневой печати существовал живой зарегистрированный владелец. Где он находился и кем был, неполный рисунок не показывал.

— Вы можете идти, господин Бран, — тихо сказала я курьеру. — Приставы проводят вас в лазарет. Ожог обработают. Забудьте всё, что здесь произошло, если вам дорога жизнь.

Бран торопливо, едва не падая с табурета, поднялся и, пятась к дверям, выскользнул в коридор под надзор конвойных.

Мы остались втроем.

Кайрен опустил рукав, скрывая перевязанную руку. В его глазах горело темное, беспощадное пламя.

— Магистр Солл, — произнес он, глядя на неподвижного зрителя. — Ваш ответ будет стоить вам дорого. Канцелярия не прощает технических разъяснений.

Ивен Солл лишь едва заметно склонил седую голову:

— Закон выше канцелярии, дознаватель Вард. Пока он записан на бумаге. А теперь — покиньте нижний ярус. Время вашего мандата вышло.

Когда тяжелая базальтовая дверь захлопнулась за нашими спинами, а морозный воздух зимнего вечера снова ударил в лицо у выхода на площадь, я остановилась на обледенелых ступенях.

Впереди, над чёрными крышами города, высилась громада Высшего суда. Частичный ожог на руке Кайрена не называл ни имени, ни места. Он доказывал только одно: где-то существовал живой носитель корневой печати, а мы всё ещё не знали, кто он.

Глава 9

Зимние сумерки упали на столицу внезапно, словно тяжелый саван, пропитанный гарью, мокрым углем и печной копотью.

Когда наша карета под конвоем двух продрогших судебных приставов повернула в больничный тупик к чугунным воротам Палаты телесных свидетельств, тишина двора показалась мне неестественной, оглушающей. Обычно в этот час здесь кипела унылая казенная жизнь: скрипели деревянные лопаты служки, расчищавшего въездные пандусы от снега, переругивались кучера санитарных фургонов, звенели ведра с соляным раствором.

Сейчас не было ни единого звука. Только колючий верховой ветер гнал поземку по обледенным каменным ступеням крыльца да подковы наших лошадей глухо цокали по мерзлым плитам.

— Нас ждут, — негромко произнес Кайрен.

Он сидел на противоположной скамье, придерживая раненую руку под полой темно-серого пальто. Свежий ожог, оставленный ретранслятором в подвале Репозитория, продолжал пульсировать под повязкой ядовитым, скрытым жаром. Но в позе дознавателя не было ни слабости, ни оцепенения. Напротив — он подобрался, словно матерый волк, почуявший чужой едкий запах у входа в собственное логово.

Я взглянула на узкие окна цокольного яруса. Сквозь толстые решетки обычно пробивался мягкий, желтоватый свет масляных ламп Тессы. Сейчас стекла оставались черными, слепыми, отражая лишь мутные пятна уличных фонарей.

— Караул у дверей сменили, — я кивнула на две темные фигуры, застывшие у кованого входа.

Это не были судебные приставы трибунала. На широких плечах часовых темнели тяжелые шерстяные плащи с серебряным шитьем королевского грифона — личная сотня первого юстициара. Солдаты стояли неподвижно, скрестив алебарды перед железной створкой и наглухо перекрывая проход в морг.

Приставы Дейна спешили, положив озябшие пальцы на эфесы палашей:

— Госпожа эксперт, у крыльца дворцовая стража. Нам велено не допускать конфликтов между ведомствами...

— Оставайтесь возле экипажа, — приказала я, поправляя ремни рабочего саквояжа правой рукой.

Левая кисть слушалась плохо: два онемевших пальца оставались белыми и тяжёлыми, словно вырезанными из сухого дерева. Парез после двух глубоких чтений и колокольного резонанса сковал мелкие сухожилия, но показывать эту немощь было нельзя. В мире судебных интриг любая физическая трещина немедленно становилась точкой, куда палач вбивал железный клин.

Кайрен шагнул на обледенные плиты двора следом за мной. Гвардейцы у входа шевельнулись, древки алебард с сухим щелчком опустились, преграждая путь к порогу:

— Проход в здание закрыт. В Палате проводятся следственные действия специальной коллегии канцелярии.

— Опустите оружие, сержант, — я достала из-под плаща пергаментный свиток с тяжелой сургучной печатью трибунала и развернула его прямо перед забралом часового. — Чрезвычайный мандат председателя Высшего суда Астера Дейна. Я старший лицензированный эксперт этой Палаты, и здание находится под моей личной процессуальной ответственностью. Любая попытка заблокировать доступ эксперту является уголовным преступлением против короны. С дороги.

Солдаты переглянулись. Печать Дейна пока еще внушала страх армейским исполнителям: нарушить прямой судебный запрет означало попасть под закрытый трибунал. Старший караульный сдержанно выругался сквозь зубы и отступил на полшага, толкая кованую дверь плечом:

— Проходите, госпожа Рей. Вас там ждут.

Внутри морга пахло не привычной сухой полыньей, не ледяной солью и не погребальным воском.

В тяжелый, вымороженный воздух подземелья вплеся едкий, незнакомый дух: дорогой табак высшего сорта, вываренная в шафране кожа офицерских портупей и приторный, удушливый аромат розового масла, которым обычно душили парадные бархатные камзолы сановники Королевского совета.

Секционный зал был залит резким, ослепляющим белым светом четырех подвесных карбидных ламп.

Посреди зала, небрежно опершись о край гранитной плиты с телом Дарека Морна, стоял капитан Венн Кел. Его широкий кавалерийский палаш лежал прямо на влажном камне, между секционными желобами. Трое гвардейцев в расстегнутых плащах методично потрошили шкафы с инструментами: стеклянные банки с реактивами были сброшены на плиты пола и растоптаны, деревянные ящики с анатомическими пинцетами вывернуты наружу, а связки судебных бланков втоптаны в грязную талую жижу.

Тесса сидела на деревянном табурете возле своей конторки.

За ее спиной застыл стрелок с взведенным арбалетом, наконечник тяжелой стрелы смотрел прямо в лопатки моей помощницы. Лицо Тессы было смертельно бледным, круглые очки в медной оправе сползли на кончик носа, пальцы судорожно комкали край фартука, но в ее темных глазах горела глухая, отчаянная ненависть.

Увидев меня, она рванулась вперед, но гвардеец тяжелой ладонью в латной рукавице вдавил ее обратно в сиденье:

— Сидеть, писчиха. Не дергайся.

— Уберите оружие от моего регистратора! — мой голос прозвучал как удар хлыста, заставив стрелка вздрогнуть и невольно опустить дугу арбалета.

Я шагнула на середину зала, чувствуя, как холодная ярость выжигает остатки страха:

— Капитан Кел! На каком основании ваши солдаты уничтожают лабораторию Высшего суда?! Кто разрешил вам трогать процессуальные инструменты и переворачивать книги учета?!

Венн обернулся. На его грубом, рассеченном старым шрамом лице заиграла самодовольная, тяжелая усмешка:

— Никакого разгрома, госпожа Рей. Законный обыск по постановлению чрезвычайной коллегии. Мы производим выемку запрещенных магических приспособлений, использованных для фальсификации судебных материалов.

— Каких приспособлений? — сухо спросила я.

Из тени дальней сводчатой галереи, где хранились запасы соли и лед, донесся негромкий, бархатный голос:

— Вот этих, Селена.

Из полумрака неторопливой, плавной походкой вышел первый юстициар Эрван Рош.

Он сменил дорожный плащ на темно-синий бархатный камзол с богатой собольей опушкой. На его массивной груди тускло мерцала золотая цепь коронного советника. Его породистое, гладко выбритое лицо с аккуратной сединой на висках выражало лишь мягкую, отеческую печаль — как у наставника, вынужденного наказать неразумного ученика.

В тонких холеных пальцах Рош держал продолговатый футляр из черного мореного дуба с серебряными угловыми накладками. На крышке темнела филигранная гравировка: стилизованный ланцет, обвитый змеей.

Клеймо Королевской школы анатомии и телесного следа.

Мой личный выпускной набор, полученный двенадцать лет назад.

— Вы помните эту шкатулку? — мягко спросил Рош, подходя ближе и останавливаясь в трех шагах от меня. — Подарок ректората за блестящую защиту диплома по анатомической хронологии. На каждом лезвии выгравирован ваш личный магический вензель.

Он нажал пружинную кнопку. Крышка откинулась с легким щелчком.

На темно-красном бархате лежа лежали три тонких скальпеля из черненой стали с полыми продольными желобками и длинная костяная игла с винтовой нарезкой.

Но это не были анатомические инструменты.

Вдоль лезвий скальпелей чернела мелкая, ядовитая гравировка запрещенных некромантических рун седьмого круга. Руны принуждения и насильственного связывания мертвой плоти. Я никогда в жизни не держала этих клинков в руках. Но на костяных рукоятях, прямо под школьным гербом, четко и неопровержимо светился мой собственный инициал — тонкая серебряная буква «С», сплетенная с руной телесного дара.

Подброс выглядел безупречно. Кто изготовил клинки и кто скопировал мой вензель, по одному футляру установить было невозможно.

— Мы обнаружили этот тайник двадцать минут назад, — сокрушенно покачал головой Рош. — Под дубовыми половицами вашего личного кабинета, Селена. Аккурат под сундуком с архивными копиями. Рядом с ампулами фосфорных солей и металлическими нитями, идентичными тем, что найдены в шее нотариуса Морна.

Тесса вскочила с табурета, яростно крикнув в лицо юстициару:

— Обыск шёл с нарушениями! — крикнула Тесса. — Ваши люди вошли до фиксации комнаты, меня оттеснили от стола, а тайник вскрыли без моего участия. Я не могу подтвердить происхождение этого ящика!

— Замолчи, девка, — процедил Венн, угрожающе положив ладонь на рукоять арбалета.

— Оставь ее, капитан, — небрежно бросил Рош, даже не взглянув на Тессу.

Затем его темные, немигающие глаза снова впились в меня. В них не было гнева — там мерцал холодный, математический расчет:

— Незаконное хранение некромантических артефактов высшей категории. Фальсификация доказательств по делу чрезвычайной государственной важности. Прямое пособничество государственному изменнику Кайрену Варду. Этого достаточно, чтобы немедленно поставить перед коллегией вопрос о приостановке вашей лицензии и привлечении вас к суду вместе с ним. Протокол изъятия составлен в присутствии понятых канцелярии.

Кайрен за моей спиной сделал шаг вперед. Правая рука ушла под полу пальто, плечи развернулись, и ближайший гвардеец мгновенно перехватил древко алебарды. Я не стала выяснять, что именно он собирался делать.

Я, не оборачиваясь, завела правую руку за спину, нащупала пальцами плотное сукно его рукава и сжала ткань с холодной, приказной силой:

«Стой. Не смей решать за меня».

Кайрен замер. Мышцы его предплечья под тканью были твердыми как камень, но он подчинился моему безмолвному требованию. Он не стал действовать напролом.

Я перевела дыхание и заставила голос звучать сухо и отстраненно:

— Вы проделали большую работу, Ваша Светлость. Скопировать мой вензель и изготовить такие инструменты — работа не для случайного уличного мастера. Но кто именно это сделал, я не знаю. Но если бы вы хотели моей немедленной казни, меня бы не вели в зал на разговор с вами. Чего вы хотите, Рош?

Первый юстициар чуть заметно улыбнулся кончиками тонких губ. На его лице ничего не изменилось; только уголок рта чуть дрогнул, будто спокойный ответ оказался для него ожидаемым.

— Прагматизм всегда был вашей сильнейшей чертой, Селена, — Рош небрежно передал дубовый футляр капитану Венну. — Государству нужны такие эксперты. Люди с редким даром, с твердой рукой, способные беспристрастно читать плоть. Вы просто запутались. Вард использовал ваше обостренное стремление к справедливости, чтобы прикрыть собственное предательство. Он манипулятор. Я учил его шесть лет и знаю каждый темный закоулок его разума. Он погубит вас и не оглянется.

Рош подошел еще на шаг ближе, понизив голос до мягкого, доверительного полусшепота:

— У меня есть для вас безопасный, абсолютно законный выход. Вы признаете, что утренние выводы о посмертной модификации Морна и Вейна были вызваны тяжелым сенсорным переутомлением. Бывает. Слишком сложная рана, остаточные фантомы, редкая погрешность ведьмовского восприятия. Вы подписываете итоговый сертификат освидетельствования: Последний отзыв чист, тела подтверждают вину Кайрена Варда в убийстве нотариуса и похищении реестров.

Юстициар заглянул мне прямо в глаза, и в его взгляде мелькнула тень абсолютной, непрекаемой власти:

— И в ту же секунду эти дурацкие некромантические ножи исчезнут в печи. Протокол обыска будет уничтожен. Ваша лицензия останется нетронутой. Более того: после завершения процесса по Северному мятежу я лично проведу через Королевский совет реформу экспертного ведомства. Палата телесных свидетельств станет полностью независимой от дознания службой. И вы, Селена, возглавите ее. Вы получите статус главного магистра, лаборатории, финансирование, неприкосновенность. Вам нужно лишь подписать один лист бумаги.

Слова текли ровно, обволакивающе, с той смертоносной логикой компромисса, перед которой ломались сильнейшие сановники двора.

Он предлагал мне спасение. Безопасность. Защиту для Тессы. Он предлагал мне дело всей моей жизни — независимость судебной медицины от сапога следователя.

Цена казалась почти формальной: всего лишь сдать одного человека. Мужчину, которого я знала меньше двух суток. Мужчину с темным, пугающим прошлым, чья реальная подпись стояла под страшными делами старой инквизиции и чья вина всё еще оставалась неразрешенной тайной.

Я повернула голову и посмотрела на Кайрена.

Он стоял под прицелом алебард, прямой, неподвижный, с застывшим лицом из темного гранита. На его запястьях мерцали браслеты судебного маяка. Он не просил пощады, не напоминал о нашем договоре и не сделал ни шага ко мне. Выбор оставался за мной.

Затем я перевела взгляд на секционный стол.

Вспомнила синюшную шею Морна. Механический хор мертвецов, заговоривших под удар ночного судебного колокола без следователя и без вопроса. Вспомнила двести сорок четыре связанных приговоров, которые этот механизм лжи мог привести в действие на процессе.

Если я подпишу сертификат Роша, Палата не станет независимой. Она превратится в скотобойню, где моя подпись будет лишь штампом на конвейере заказных приговоров. И никакие новые лаборатории, никакие золотые цепи магистра не смоют этот смрад до конца моих дней.

Я растегнула форменный плащ, достала из внутреннего кармана гербовый тубус с утренней выпиской Солла и положила его на стол.

— Нет, Ваша Светлость, — произнесла я.

Я говорила негромко, и морозное подземелье не съело ни одного слова.

Рош замер. Его густые брови медленно поползли вверх:

— Вы отказываетесь, Селена? Ради человека, чьи руки по локоть в крови старых мятежей?

— Я отказываюсь от соучастия в фабрикациях государственных казней, — я выпрямилась во весь рост, глядя первому юстициару прямо в переносицу. — МORN и Вейн говорят чужим

текстом. Их показания сфабрикованы, а один из образцов крови Кайрена исчез по служебному каналу. И всё же вы требуете, чтобы я назвала эти показания законными.

Мягкая отеческая маска слетела с лица юстициара в долю секунды.

Черты его мгновенно заострились, глаза налились тяжелым свинцовым холодом, а на тонких губах застыла гримаса беспощадной жестокости. Перед нами стоял истинный глава карательного аппарата Короны:

— В таком случае вы сами выбрали свою судьбу, госпожа Рей. Капитан Кел. Взять обоих под стражу. Тела немедленно погрузить в фургон и вывезти в госпиталь дознания. Лабораторию опечатать.

— Стоять! — выкрикнула я, резко вскидывая правую руку.

В моих пальцах тускло блеснул пергамент с тремя красными лентами — специальный формуляр аварийной консервации, выданный мне Дейном накануне.

— Статья пятьдесят вторая Устава Высшего суда! — мой голос хлестнул по помещению, заставив гвардейцев замереть. — Право эксперта на аварийную консервацию спорного вещественного доказательства при обнаружении признаков умышленной порчи или попытки силового давления!

Я метнулась к плите Морна, сорвала с пальца серебряный перстень с печатью гильдии и с силой вдавила металл в мягкий консервирующий воск прямо поверх швов на саване:

— Я накладываю высший иммунитет трибунала на тела Дарека Морна, Корнелия Вейна и Орла Санна! Любое перемещение этих тел, любой надрез, сделанный без присутствия председателя Дейна, автоматически признает виновным того, кто отдал приказ! Вы не имеете права тронуть их, Рош! Если эти тела исчезнут отсюда — судебная цепь процесса по мятежу будет официально признана разорванной в первый же день слушаний!

Капитан Венн с яростным рыком шагнул ко мне, выхватывая палаш из ножен, но Рош резко вскинул руку, останавливая офицера.

Первый юстициар тяжело дышал, глядя на дымящийся отпечаток печати на воске. Аварийная консервация уже была внесена в протокол при понятых: открыто сорвать её теперь означало подарить Дейну процессуальный повод поставить допустимость всей цепи перед Королевским советом.

— Хорошо, — процедил Рош. — Тела останутся здесь. Под замками моей личной стражи. Но ваш доступ к Палате приостанавливается. Я немедленно поставлю перед коллегией вопрос о вашей лицензии. Вы арестованы за сопротивление власти.

— Не сегодня, — негромко произнес Кайрен.

В следующую секунду дознаватель сделал то, чего не ждал ни один гвардеец: он не стал выхватывать клинка. Он с размаху ударил кованым носком сапога по массивной чугунной жаровне, стоявшей у входа!

Тяжелая чаша опрокинулась с оглушительным звоном!

Красные угли, раскаленный пепел и густые клубы едкого можжевелевого дыма веером брызнули под ноги солдатам! Гвардейцы отшатнулись, закрывая лица плащами, кто-то споткнулся о горящие угли, в зале поднялся грохот и истошная брань капитана Венна!

— Уходи, Селена! — закричала Тесса.

Она действовала молниеносно: схватив тяжелый стальной резак для пергамента, она с размаху перерубила медный провод подвесной карбидной лампы прямо над головами стражи! Лампа рухнула на плиты, стекло взорвалось фонтаном брызг, пламя погасло, и зал мгновенно погрузился в непроглядный, чадный мрак, разорванный лишь тлеющими точками углей на полу!

Я бросилась к столу Тессы:

— Тесса, бежим! Через нижний коллектор! Быстро!

Но Тесса яростно оттолкнула мою руку:

— Нет! С ума сошла?! Если мы обе сбежим, они выкрадут архивные книги! Они переписут регистрационные журналы задним числом и объявят, что Морна никогда не привозили в морг!

— Они уничтожат тебя, Тесса!

— Не посмеют! — отрезала она, сжимая мои пальцы в темноте с неожиданной, отчаянной силой. — Я штатный регистратор суда, на мне нет ведьмовского клейма! Рош не сможет казнить чиновника аппарата без открытого суда, пока Дейн держит мандат. Я останусь здесь. Я запру журналы в огнеупорный сейф и сяду на него сверху! Уходи, Селена! Найдите Чёрный реестр! Вы обязаны довести это до конца!

Она сунула мне в руки тонкую кожаную папку:

— Забирай! Здесь заверенная копия утренней выписки Солла и копии журналов прихода тел за последние трое суток! Я успела снять их утром!

Затем Тесса рванула рычаг аварийного пневматического желоба связи, выходявшего прямо на верхний этаж, в кабинет председателя Дейна. Я успела втолкнуть медную капсулу с протоколом аварийной консервации в узкую горловину. Клапан с шипением захлопнулся, и сжатый воздух со свистом унес документ вверх, сквозь толщу фундамента, прямо на стол председателя суда.

Акт консервации зафиксирован судом. Уничтожить улики тайно Рош больше не мог.

— Перекрыть двери! — ревел в дыму голос Венна. — Взять их живыми! Оцепить подвал!

— Селена, сюда! — рука Кайрена в темноте коснулась моего плеча.

Он не тащил меня. Он лишь обозначил направление: узкая железная створка в дальней стене за соляными шкафами — старый дренажный лаз, выводивший в ливневую канализацию набережной. Я знала этот ход еще со студенческих времен.

Я в последний раз оглянулась. В багровых отсветах углей Тесса стояла перед массивным сейфом, прижав спину к железной двери и сжимая в руке тяжелый резак. Маленькая, упрямая, негибаемая.

Это был ее выбор. Ее собственная битва внутри государственной системы.

— Держись, Тесса, — прошептала я.

Мы нырнули в узкий каменный проем. Кайрен захлопнул тяжелую железную дверь изнутри и с глухим стуком опустил массивный кованый засов.

В тоннеле пахло ледяной плесенью, тиной и сквозняком.

Мы бежали по каменной трубе, пригибая головы, чтобы не разбить лоб о низкие гранитные своды. Под ногами хрустела ледяная каша, плащ цеплялся за мокрую кладку стен, онемевшая левая рука отзывалась тупой, дергающей болью на каждый шаг. Но я бежала сама. Никто не тащил меня силой. Никто не решал за меня.

Через десять минут бесконечного спуска мы выбили ржавую решетку водостока и выбрались наружу — на заснеженный откос набережной у старого моста Кожевников.

Метель над рекой выла в полную силу. Плотная белая стена кружащегося снега надежно скрывала город, глуша звуки и заматавая наши следы. Далеко позади, со стороны Верхнего замка, тревожно и глухо запели рожки городской стражи: канцелярия объявляла тревогу.

Мы укрылись под массивным каменным сводом мостовой опоры, тяжело переводя дыхание.

Кайрен прислонился спиной к обледенелому граниту. Снег оседал на его темных волосах, таял на горячих щеках. Он смотрел на меня непривычно долго, будто заново сверял с чем-то только что увиденным.

— Вы потеряли всё, Селена, — негромко произнес он сквозь вой ветра. — Палату. Лабораторию. Статус. Через час наши имена будут выкрикивать глашатаи на всех заставах столицы. Рош объявит нас беглыми мятежниками.

— Я поставила лицензию под удар, дознаватель Вард, но сохранила право смотреть в зеркало, — я крепче прижала к груди папку с копиями журналов. — Тела опечатаны. Дейн получил акт консервации. Рош не сможет уничтожить улики законным путем.

Я шагнула к нему вплотную, заглядывая прямо в его темные зрачки:

— Наш прежний союз по приказу суда окончен. Дейн больше не прикроет нас своим мандатом. Но я иду с вами не потому, что мне некуда бежать. И не потому, что я считаю вас невинной жертвой обстоятельств. Вы всё еще скрываете правду о старых делах, Вард. Но вы — единственный человек, чья проклятая подпись способна разорвать эту чудовищную ложь. Я выбираю идти с вами добровольно.

Кайрен выпрямился. Его раненая рука в перчатке слабо дрогнула, но голос прозвучал твердо, как удар клинка:

— Я не стану давать вам пустых обещаний, Селена. И я не стану просить у вас прощения за то, что втянул вас в эту бойню. Но пока я жив — ни один клинок канцелярии не коснется вас.

— Оставьте клятвы для трибунала, — сухо отозвалась я, натягивая капюшон плаща. — Где мы укроемся до утра?

Кайрен посмотрел на восток, сквозь пелену метели, в сторону темных силуэтов ското-боев:

— Зброшенная анатомическая лечебница. Ее опечатали три года назад. Там есть печи, вода и старый подземный ход, ведущий прямо под фундаменты Старого дома допросов.

Он шагнул в кружащуюся белую тьму, пробивая тропу сквозь сугробы, и я пошла следом за ним.

Добровольно. Вне приказа. Навстречу восьми дням, которые теперь стали нашей общей ценой.

Глава 10

В старой анатомической лечебнице пахло сухим известковым прахом, горькой выветрившейся пылью и застарелым карболовым мылом, въевшимся в гранитные плиты пола за полвека студенческих вскрытий.

Три года назад, после вспышки легочного мора в приречных трущобах, городские власти опечатали здание, вывезли цинковые ванны и наглухо забили парадные двери сосновыми плахами. С тех пор сюда никто не заходил. Сквозь полуразбитый стеклянный купол высокого потолка в зал препараторской сочился мутный, свинцово-синий свет зимнего предзакатного часа. Ветер шуршал сухими стеблями плюща, пробившимися сквозь щели карниза, и сыпал на деревянные секционные столы мелкую, колючую снежную крупу.

Здесь не было тепла. Не было запасов еды, чистой воды или мягких постелей. Только массивные дубовые столы с желобами для стока жидкостей, покрытые толстым слоем серой вековой пыли, пустые шкафы вдоль стен да ржавая чугунная печь-буржуйка в углу, труба которой уходила в старую вентиляционную шахту.

Мы добрались сюда за час до рассвета через дренажные коллекторы, петляя по колено в ледяной жиже под фундаментами старого города.

Кайрен стоял у узкого стрельчатого окна, осторожно придерживая край истлевшей холщовой занавески. Его темно-серое суконное пальто промокло от талого снега, на плечах белела ледяная корка. Правая рука, перевязанная в подвалах Репозитория, висела неподвижно вдоль тела; сквозь грубое сукно рукава едва заметно проступали очертания серебряного браслета судебного маяка, чей белый свет теперь казался придушенным, едва живым под толщей гранитных перекрытий.

Я сидела на рассохшемся табурете у остывшей печи, привалившись спиной к грубой кирпичной кладке.

Левая рука горела изнутри глухой, выматывающей болью. Два пальца — указательный и средний — оставались совершенно белыми, одеревеневшими, лишенными кожного чувства. Когда я попыталась расстегнуть промокшие медные пуговицы плаща, пальцы соскользнули, словно были вырезаны из мерзлого мыла. Мне пришлось действовать одной правой рукой: зубами стянуть кожаную перчатку, размотать влажный бинт и положить ладонь на край пыльной деревянной столешницы.

— Не сгибаются? — не оборачиваясь от окна, спросил Кайрен.

Его голос в гулкой пустоте мёртвого зала прозвучал сухо, с той затаенной хрипотой предельного переутомления, которую невозможно скрыть за офицерской выправкой.

— Частичный парез, — ответила я, ощупывая неподвижные фаланги пальцами здоровой руки. — Ткани холодные. Глубокие нервные проводники заглушены. Если в ближайшие сутки не прогреть связки сухим жаром и не дать им покой, онемение может закрепиться. Последние глубокие чтения перегрузили нервные проводники.

Кайрен повернулся от окна.

В тусклом утреннем свете его лицо выглядело пугающе изможденным. Тени под глазами залегли глубокими черными провалами, на скулах проступила колючая темная щетина, губы обветрились и потрескались от мороза. Но тяжелее всего было смотреть на его тело: правое плечо дознавателя мелко, непрерывно подрагивало. Каждые пару минут по его руке прокатывалась короткая волна мышечной судороги, от которой он едва заметно переступал с ноги на ногу, прижимая локоть к ребрам.

Он не спал больше двух суток. Но дело было не только в отсутствии сна.

— Ночные отклики? — спросила я, глядя на его напряженное плечо.

Кайрен опустил глаза на свое предплечье. Он снял перчатку, и я увидела: смоляные линии Клятвы Отзвука на его коже тлели мутным, ядовито-бурым жаром, словно под эпидермисом тлел слой древесного угля.

— Город не засыпает, госпожа Рей, — негромко произнёс он, подходя к печи. — А я после последних вопросов почти не сплю. Клятва ещё возвращает их последствия: судороги, остаточную боль, тот чужой ожог. Днём движение отвлекает. Ночью всё это становится громче.

Он опустился на одно колено перед печью, закладывая щепу в темное чугунное нутро. Его пальцы заметно дрожали — мелкая, предательская дрожь мышц, доведенных до черты физического отказа.

Впервые за эти дни мы находились в одном помещении без посторонних глаз: без конвоя приставов Дейна, без понятых канцелярии, без надзора Тессы или свидетелей. И впервые с нас обоих слетели привычные панцири. Не было моей бесстрастной невозмутимости судебного эксперта, не было его ледяного высокомерия коронного следователя. Перед этой ржавой печью сидели двое загнанных, покалеченных людей, чьи тела расплачивались за каждый шаг по следам государственной лжи.

Кайрен чиркнул кремнем. Искры брызнули на сухую ветошь, в глубине топки занялся слабый желтый огонек, выхвативший из полумрака глубокие тени вокруг его рта.

Я смотрела на этот огонь и понимала: передышка обманчива.

Через пару часов столичные заставы перекроют выезды по ордеру Роша. Нас объявят беглыми заговорщиками, похитившими вещественные доказательства. У нас не было права на слабость, но еще меньше у нас было права на слепоту. До сих пор нас связывал мандат суда — формальный приказ, в рамках которого я исполняла служебную обязанность, а Кайрен следовал за мной под стражей. Теперь мандат был уничтожен. Мы оказались вне закона.

— Дознаватель Вард, — позвала я, когда в кирпичном дымоходе загудел первый робкий сквозняк.

Он не поднялся с колена, лишь повернул голову, глядя на меня снизу вверх сквозь прозрачную пелену сизого дыма:

— Слушаю вас, Селена.

— Мы не сделаем ни шага дальше, пока не изменим условия нашей работы.

Кайрен поднялся на ноги, отряхивая ладонь от сажи. На его лице не промелькнуло раздражения. Он только стряхнул с ладони сажу и повернулся ко мне всем корпусом.

— Вы хотите прекратить расследование? — спросил он ровно.

— Я хочу, чтобы этот союз перестал быть движением вслепую, — я выпрямилась, преодолевая тяжесть в пояснице, и оперлась правой рукой о край препараторского стола. — До сих пор мы подчинялись предписанию Высшего суда. Вы были обвиняемым под моим надзором, я — экспертом, рискующим должностью. Теперь мы оба беглецы. Но я не сделаю ни шага в сторону Старого дома и не стану искать Чёрный реестр на ощупь, если между нами останутся недомолвки.

Кайрен подошел к столу, остановившись ровно в трех футах напротив меня:

— Ваши правила, госпожа Рей.

— Первое, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Никакого прикосновения без прямого и осознанного согласия. Ни во время процедур, ни при работе с проводниками, ни при отходе. Моя рука повреждена. Ваша Клятва бьет отдачей. Мы не касаемся друг друга до тех пор, пока один из нас прямо не произнесет разрешение вслух.

— Принимается, — коротко отозвался Кайрен. В его тоне не было насмешки.

— Второе. Никакой скрытой улики между нами. Если вы находите вещь, запись, имя или направление — вы предъявляете это мне немедленно. Я поступаю точно так же. Никаких тайных ходов в одиночку, никаких попыток спрятать документ в рукав, надеясь позже выторговать себе пощаду перед трибуналом.

— У меня нет привычки торговать своей шеей за чужой счет, — сухо отрезал он. — Принимается.

— Третье. Каждый из нас имеет право в любой момент остановить опасную процедуру. Если я говорю, что моя рука отказывает — мы прекращаем чтение, даже если разгадка лежит в полудюйме от иглы. Если ваша Клятва начинает жечь ткани — вы останавливаете допрос, а не доводите себя до судорог. Никаких подвигов ценой увечья. Тот, кто теряет способность действовать, становится обузой для другого.

Кайрен чуть прищурился. На мгновение взгляд ушёл в сторону, затем вернулся ко мне.

— Принимается, — произнес он.

— И четвертое. Самое главное, дознаватель, — я подалась вперед, и мой голос наполнился тяжестью. — Никакого скрытого управления. Если один из нас знает факт, влияющий на решение другого, он обязан назвать сам факт, а не манипулировать напарником втемную. Вы привыкли вести допросы так, чтобы свидетель шел по заранее вырытой траншее, не понимая, где захлопнется капкан. Со мной этот метод не сработает. Если вы знаете об опасности — вы называете ее прямо. И я сама решаю, готова ли принять этот риск.

В препараторской повисла плотная, звенящая тишина.

Только сухие сосновые рейки трещали в чугунном брюхе печи, да ветер постукивал оторванным листом кровельного железа на крыше. Кайрен смотрел на меня тяжело, не мигая.

— Вы требуете многого, Селена.

— Я требую условий, без которых мы погибнем при первой же засаде Венна.

Кайрен выдохнул. Напряжение в его широких плечах чуть спало, резкая линия губ смягчилась:

— Договор принят. Четыре правила. Без изъятий.

Кайрен подошел к старому аварийному приемнику у препараторской перегородки. Этим каналом Тесса отправила Дейну акт консервации; теперь в латунном лотке уже лежал запечатанный ответный патрон.

На свежем темно-красном сургуче отчетливо темнел личный судейский оттиск председателя Высшего суда Астера Дейна.

Я подошла к лотку. Кайрен отступил на полшага и не тронул гильзу, оставив вскрытие мне.

Я сбила сургуч правой рукой, выкрутила крышку и вытряхнула на ладонь узкую полоску плотного пергамента.

Острый, мелкий почерк Дейна был узнаваем с первого взгляда:

«Аварийный протокол консервации зарегистрирован канцелярией трибунала в шесть часов сорок минут утра. Тела Дарека Морна, Корнелия Вейна и Орла Санна находятся под высшим арестом Высшего суда. Вмешательство канцелярии первого юстициара временно заблокировано отсутствием решения совместной коллегии.

Публичный розыск эксперта Рей и дознавателя Варда не отменен ввиду ордера канцелярии на изъятие некромантических артефактов. Ваши полномочия приостановлены. Городская стража держит ориентировки.

В порядке исключительной процессуальной прерогативы председателя трибунала за экспертом Рей тайно сохраняются два целевых допуска: 1. Право закрытого свидания с подследственной Лирой Дарн в казематах Серой башни. 2. Право контрольного внешнего осмотра одного невостребованного тела в городском морге Святого Мартина под судебной печатью.

Срок действия допусков истекает через сорок восемь часов. Никаких спасательных распоряжений более не последует. Докажите системный сбой или примите приговор трибунала».

Под текстом стояла личная подпись председателя и оттиск судейских весов.

Я опустила пергамент на деревянный стол.

— Дейн держит позицию, — негромко произнесла я. — Он не отменил розыск, чтобы не спровоцировать открытый конфликт с Рошем до начала процесса. Но он дал нам две зацепки.

Кайрен подошел ближе, вчитываясь в мелкие строчки через мое плечо:

— Лира Дарн... Бывший капитан снабжения Северного пограничного корпуса. Одна из двенадцати обвиняемых по делу мятежа. Ее признание — главный несущий узел обвинения в связанной измене. Рош держит ее в полной изоляции в подвалах башни. Если Дейн дает допуск именно к ней, значит, председатель трибунала сам сомневается в чистоте ее признания.

— И контрольное тело, — добавила я. — Одно тело, на котором можно провести слепой тест без свидетелей.

— Но чтобы эти допуски имели смысл, нам нужно понять логику зачистки, — Кайрен достал из внутреннего кармана пальто тонкую кожаную папку, которую Тесса успела сунуть мне в руки перед бегством.

Внутри лежали заверенная выписка Ивена Солла из Репозитория, копии регистрационных журналов Палаты за последние трое суток и черновики записей, изъятые из разгромленного стола покойного Орла Санна.

Я разгладила пергаменты на сухом дубовом столе, прижав углы осколками разбитой стеклянной колбы.

— Сопоставим факты, — сказала я, доставая из кармана карандашный рисунок клейма, начерченный рукой старого писаря Рута.

Картина преступлений последних суток легла перед нами на пыльном дереве, прочерченная именами и датами:

Первый — Дарек Морн. Старший нотариус Коронного казначейства. Тело обнаружено три дня назад на рассвете с перерезанным горлом и защитой голосовой матрицей, называющей Кайрена убийцей.

Второй — Корнелий Вейн. Младший секретарь архива Высшего суда. Умер якобы во сне от сердечного удара, но нес в горле ту же самую эхо-пришивку с тем же текстом.

Третий — Орел Санн. Старший регистратор тайных канцелярий дознания, убитый два дня назад. Тело перевезено из другого места, шов не завершен, на белой стене оставлено слово «Реестр».

Четвертый след — писарь Михел Рут. Живой свидетель, сшивавший секретные дела семь лет назад, указавший на знак Старого дома.

— Четыре человека, — я провела кончиком карандаша по строкам. — Казначейство, судебный архив, секретная регистрация дознания. Внешне между ними нет прямой связи. Морн проверял финансовые счета, Вейн переписывал приговоры, Санн ведал списанными папками. Почему они? Почему именно эти люди должны были заговорить после смерти с подписью дознавателя Варда?

Кайрен молчал. Он стоял над столом, опершись кулаками о дерево, и строка за строкой просматривал входящие номера архивных описей, переписанных рукой Санна.

— Они не были чужими, — сказал он.

— Что вы видите?

— Смотрите на архивные литеры, — Кайрен указал пальцем на узкую графу шифров на полях листа. — Семь лет назад, за год до открытого мятежа на северных рудниках, при судебном ведомстве работала специальная следственная группа по делам о тайной переписке с мятежными провинциями. Все финансовые выписки по тем процессам заверял нотариус Морн. Все протокольные копии снимал переписчик Вейн. А сводный учет и регистрацию вел Орел Санн под надзором писаря Рута.

По моей спине прокатилась холодная, колючая волна.

— Они вели одну группу дел, — выдохнула я. — Все убитые входили в один следственный цикл семь лет назад!

— Да, — Кайрен перевернул страницу выписки Санна, где дрожащей рукой старика были перечислены номера томов, подлежащих сдаче в закрытый архив. — Кто-то методично убирает свидетелей старого следствия. Убирает и одновременно превращает их тела в оружие против меня, чтобы заблокировать любые вопросы к прошлому.

— Каких дел, Кайрен? — я подняла голову, глядя ему прямо в лицо. — Что было в тех делах, ради чего стоило резать горло нотариусу и душить архивиста?

Кайрен не ответил сразу.

Его взгляд скользил вниз по списку, к записи о закрытии производства номер сорок один среди десятков стёртых номеров.

Внезапно его дыхание оборвалось.

Я увидела это с отчетливостью судебного анатома: плечи Кайрена мгновенно одеревенели, жилы на его шее натянулись, словно струны, а пальцы правой руки с такой сокрушительной силой впились в край дубовой столешницы, что старое дерево затрещало. Его зрачки расширились, лицо в долю секунды налилось мертвенной, известковой бледностью. Он замер, не дыша, уставившись в одну-единственную точку на пергаменте, словно из чернильных закорючек на него глянула сама смерть.

Я опустила глаза на строку.

Там стояла старая архивная запись:

«Дело № 41-С. Тайная передача закрытой корреспонденции Северного узла. Обвиняемая — Мара Рей. Производство закрыто по конфирмации трибунала. Приговор исполнен».

Мара.

В препараторской стало так тихо, что я услышала сухой треск угля в печи.

Сердце внутри меня ударило о ребра с такой чудовищной силой, что в глазах полыхнула багровая муть. Потрескавшиеся стены лечебницы, запах карболки, шелест снега за разбитым куполом — всё исчезло, потонуло в глухом, слепом грохоте крови.

Семь лет.

Семь лет назад семье выдали короткое уведомление о признании Мары виновной и исполненном приговоре. В нём не было имени дознавателя и подробностей, которые объяснили бы мне, как именно дело дошло до казни.

И сейчас это имя лежало передо мной. На столе заброшенного морга, в самом центре кровавого списка зачистки.

Но страшнее было другое.

Реакция Кайрена.

Он узнал имя или само дело — это было видно по мгновенной реакции. Но почему именно эта строка так его ударила, я не знала.

Я подняла голову.

Моя правая рука непроизвольно сжалась в кулак так, что ногти вонзились в кожу до боли. Вся моя сдержанность, все выверенные правила беспристрастного эксперта обратились в прах перед этой черной строкой.

— Откуда вы знаете Мару? — спросила я.

Мой голос не дрогнул. Он опустился до низкого, ледяного металлического шепота, в котором звенела неприкрытая угроза.

Кайрен не отвел взгляда.

Он стоял напротив меня по другую сторону препараторского стола — бледный, прямой, с затаившейся под кожей Клятвой. Под глазами залегли тёмные тени, но лицо оставалось неподвижным, словно застывший гипс.

Он не опустил глаз. Не попросил пощады. Не попытался солгать или отвести удар.

— Из дела, — ответил Кайрен.

И больше он в этой комнате не произнес ни единого слова.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.